

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ

ВЫБОР ПУТИ

Евгений Владимирович Щепетнов

Выбор пути

Серия «Колдун», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57239253

Аннотация

Сельский участковый Василий Каганов отправляется работать в деревню Кучкино, спрятавшуюся в глухих тверских лесах. До Москвы – 200 км, до райцентра – 20, цивилизация рядом, но... все не так просто. Живут здесь, в лесах, те, кто остался с прежних эпических времен, те, о ком люди читали в народных сказках. И само собой – те, в кого нормальный цивилизованный человек не верит. Но веришь ты, или не веришь – есть в мире кое-что, совершенно не зависящее от твоей веры. И скоро Василий в этом убедится. Останется ли он на светлой стороне, став колдуном, скатится во Тьму, или так и будет балансировать на границе Света и Тьмы – покажет время.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Евгений Щепетнов

Выбор пути

Глава 1

Как я оказался в этой глухомани? Ох, сложный вопрос... сам себе удивляюсь! Тверская область, один из ее райцентров, и один из ОМВД, каких по стране множество и множество, похожих друг на друга, как две капли воды.

Никогда не думал, что стану участковым. Да и вообще – чтобы я вдруг оказался в ментах?! Да скажи мне кто-нибудь в моем веселом детстве и юности, что Васька Каганов вдруг станет ментом – да я бы ему в глаза плюнул! Но вот стал.

А что было делать? Служил я связистом в одной из частей на востоке нашей необъятной родины, ездил на «урале»-кунге, напичканном радиоаппаратурой, и случилось так, что в один прекрасный момент осточертела мне воинская служба. Ну так осточертела – что просто и выразить словами нельзя, а только матерными выражениями!

Рассказывать долго, да и вспоминать кое-что не хочется. Тупость моего непосредственного начальства, плюс постоянные придирки, плюс... много чего плюс. Такого, что... только близкому другу расскажешь, да и то – погодишь.

Ни семьи не завел, ни детей – к двадцати семи прожитым

годам. Родни у меня нет – мама умерла, когда я еще учился в военном училище, и родила она меня, даже не знаю от кого. Незаконнорожденный – так нас таких почему-то называют. Непонятно только, что такого незаконного в рождении ребенка...

Отца она мне так и не назвала. Сказала, что пришла ей пора рожать, вот она и родила. Ну как в фильме «Остров» – там одна дурочка пришла в монастырь к местному «святому» за благословением на аборт. И тот ее погнал оттуда чуть ли не пинками, а напоследок сказал, что мальчик у нее будет – «золотой»! Утешение на старости лет. Ну вот я и есть этот самый «золотой» мальчик-утешение.

Только утешить маму мне на старости лет не пришлось. Нашли маму зимой в сугробе мертвой, с разбитой головой. Какая-то мразь стукнула ее по голове ради жалких грошей, которые могли быть в ее сумочке. Она возвращалась поздно, была учительницей в нашей школе, во вторую смену. Ну вот и...

Убийцу не нашли. И мне кажется – особо и не искали.

Может потому после увольнения я и пошел в участковые? Подсознательно мечтая найти убийцу своей матери. Вернее так – не в участковые, а в полицию, никогда не думал, что окажусь в участковых.

А почему все-таки тут оказался? Да по одной простой причине: другого места для меня не было. В опера меня не взяли, в патрульную службу тоже, для следователей нужно

юридическое образование, а участковый... это участковый. Тут хватит и военного училища.

Так я и стал старшим лейтенантом полиции, участковым ОМВД одного из районных центров Тверской области. Какого именно райцентра? Да какая разница... говорю же – все они похожи, как близнецы-братья, видел один – значит, видел все.

Вообще-то я начал попытки устроиться в полицию в самой Твери, но из Твери меня направили в районный центр, где с распростертыми объятиями и приняли на должность сельского участкового уполномоченного. Чему я по большому счету и не противился.

Начальник отдела полковник Климушкин так расписал мне прелести сельской жизни, что я не больно-то и сопротивлялся – дают дом в деревне Кучкино – пусть и не со всеми удобствами, но большой и теплый, дают УАЗ-«хантер» с некоторым количеством горючего на месяц, выделяют оргтехнику в виде компьютера, принтера и даже старенького сканера – чтобы вовремя составлять бумаги. Живи, служи, радуйся! Вокруг – леса! Речки! Озера! Дыши свежим воздухом! Лови рыбу! Охоться!

Народ доброжелательный, преступлений совершается мало – не жизнь, а малина! И до Москвы всего двести километров, захочешь посмотреть на Ленина – съезди, одним днем обернешься! Чем не жизнь?

Почему мне надо было именно Ленина смотреть – не

знаю, но в остальном Петр Михайлович Климушкин был очень убедителен. Честно сказать, после моей «бурной» службы мне вдруг очень захотелось забиться в глухой сонный уголок и переждать, пересидеть некий период моей непутевой жизни.

Мамин дом я продал, кое-какие деньжата у меня водились, зарплата участкового вполне себе недурная, а в такой глухомани... в общем – умереть с голоду я не опасался. Ну а там – видно уже будет.

Год после увольнения из армии я пытался найти себя в жизни, искал подходящую работу, поскитался по фирмам (даже в Москве пробовал работать), и сделал для себя вывод – нечерта мне делать в больших городах. Не для меня они.

Как уже говорил – по инерции попробовал устроиться в Москве, но тут же улетел оттуда ясным соколом, поняв, что мне там ничего по большому счету не светит. Нужных знакомств у меня нет, да и Москва мне не нравится своей безумной суетой и показной деловитостью. Злой город, высасывающий из человека все соки и не дающий взамен ничего, кроме злости и осознания собственной никчемности.

То ли дело участковый в провинции – царь и бог, власть и карающий орган! По крайней мере – так мне это представлялось на первых порах.

Итак, мне двадцать семь лет, я прошел все комиссии, получил удостоверение полицейского с указанием звания и должности, простажировался около полугода у старшего

участкового Микрюшкина Семена Афанасьевича, получил в гараже райотдела потрепанный уазик без опознавательных знаков полиции (просто зеленый, как все военные уазики), и в середине мая отправился в деревню Кучкино, где мне теперь предстояло жить и работать, обслуживая два с лишним десятка деревень, в которых общим числом живет несколько тысяч жителей.

Опорный пункт полиции располагался тут же, в том доме, в котором я собираюсь жить – пристроен к нему сбоку и сложен из красного кирпича, в отличие от старого бревенчатого дома, возрастом как минимум сотню, а то и побольше лет.

Кучкино эдакий «недорайцентр». Тут живут около тысячи человек, и если бы это село было поближе к райцентру – то Кучкино точно бы сделали одним из районов райцентра. Но... не райцентр. Отсюда до райцентра двадцать километров отвратительной, мерзкой дороги, стыдливо именуемой грейдером. В насыпанной на дорогу глине намертво впечатаны угловатые булыжники, по которым только и ездить на машинах подобных моему убогому «хантеру», отрыжке двадцатого века, по какому-то недоразумению выпускаемому и по сей светлый день. Как его не назови, он все равно останется уазиком, ломающимся тогда, когда тебе этого больше всего не хочется.

Но другого транспорта для меня нет, так что придется работать с тем, что мне послала судьба. В конце концов – я не белоручка, в машинах разбираюсь вполне недурно и могу

починить многие из неисправностей такого вот чудного аппарата.

А еще – все-таки участковый, и хреновый я участковый, если не смогу найти какого-нибудь «Кулибина», навести с ним мосты дружбы и припрячь обслуживать мой выдавший виды, дребезжащий всеми сочлениями пепелац. За какие-нибудь бонусы к нелегкой жизни мастера-ремонтника.

Вообще, в разговоре с начальником отделения участковых майором Мироновым, он мне почти впрямую намекнул, что дельный сельский участковый как сыр в масле катается и обеспечен не хуже, чем какой-нибудь приличный предприниматель. И что если я проявлю смекалку – все у меня будет хорошо.

Так-то я не дурак. И в «гешефтах» кое-что понимаю. И если не знаю, то догадываюсь, как сельский участковый может «проявлять смекалку». И это не только легкие натуральные поборы с населения, в виде масла-мяса за то, что не увидел кое-какие мелкие прегрешения, не только «крышевание» мелкого сельского бизнеса, но и например – открытие своих торговых точек в виде магазинчиков и ларьков. На чужое имя, разумеется.

Только вот не хочется мне этого. Покоя хочу. А денег мне и так хватает. Оклад, плюс за звание... Форму выдают, обувь выдают, а гражданская одежда у меня есть. Много ли мне надо? Одиночке?

А дом мне понравился. Я его как увидел, так сразу и по-

любил – огромный двухэтажный домина с пристройкой из красного кирпича! Было в этом доме что-то такое... эпичное, что-то... исконное! Такие дома строили на севере России – первый этаж хозяйственный, верхний этаж жилой. Тут, наверху – кухня, холодная веранда, две или три комнаты с русской печью, или даже с двумя печами.

Внизу, на первом этаже – хлев, дровяник, ну и все остальное, нужное для хозяйства. Тут ведь какая штука – зимой на северах бывает так холодно, что лучше бы на улицу и не выходить. Даже туалет внутри, на втором этаже – чтобы честной народ не поморозился, лютой зимой выходимши по нужде!

Приусадебный участок большой, можно даже сказать – огромный. Соток шестьдесят, не меньше. Хоть картошку сажай, хоть еще чего – случись апокалипсис, так и не пропадешь.

Честно сказать, к сельскому хозяйству у меня никакой тяги нет, и никогда не было, но сам факт обладания возможностью...

Дом этот стоял на балансе местной администрации и предоставлен под опорный пункт полиции и для проживания участкового по распоряжению главы местной администрации. Как мне было заявлено – ежели пожелаю, так дом может быть приватизирован на мое имя. Все равно он никому не нужен и только лишь постепенно разрушается, как всегда и бывает с домами, лишенными хозяина.

Кто тут был хозяином, то есть кто именно построил этот дом – я не знаю. Спрашивал, это уж само собой – но из со-служивцев никто не знает. Кстати, не особо говорят и о том, что случилось с моим предшественником – участковым Калининским. Говорят – год продержался в Кучкино, запил, и был благополучно уволен по собственному желанию. Почему благополучно? Потому что избежал увольнения по «дискредитации». Захочет – сможет потом восстановиться в органах.

Я второй по счету участковый на этом месте. Решили, что будет опорный пункт в Кучкино – вот опорный тут и появился. А кому здесь работать? Неженатому, молодому, без семьи. Те, что с семьей – в такую глухомань не стремятся.

Как и чем люди тут живут? Само собой, во главе угла домашнее хозяйство. Коровы, свиньи и всякое такое. Опять же – лес кормит. Грибы-ягоды, их здесь море разлитое! По крайней мере – мне так рассказывали. Грибы и ягоды сдают на приемные пункты, платят сборщикам вполне недурно – жить можно.

Ну и само собой – фермер, куда же без него! Самохин Игорь Владимирович, бывший, и последний председатель здешнего совхоза, почившего в бозе много, много лет назад. Вместо совхоза на его руинах возникло фермерское хозяйство, которое исправно снабжает рабочими местами большинство окрестного населения. Эдакий новый помещик, царь и бог здешних краев.

Впрочем, когда мне рассказывали о кучкинском «барине», говорили о нем вполне себе уважительно. Зарываться он не зарывается, дела ведет по справедливости, а то что фактически подмял под себя всю округу – так особо никто и не жалуется. В селе без жесткой руки нельзя – народ сразу разбалуются.

Самохину около шестидесяти, тут у него дом, жена. Дети (сын и дочь) давно в Москве, вроде как фирмы у них свои. Но по слухам – не так уж и свои. На папенькины деньги созданы и ему же прибыль приносят.

Я с ним еще не встречался, только предстоит, но меня сразу предупредили, чтобы я с этим самым Самохиным отношения не портил. От него много чего в деревне зависит – может помочь, может и нахрен послать.

А еще – он в дружеских отношениях (кто бы мог подумать?!) и с начальником РОВД, и с районным прокурором, и много еще с кем из тех, кто в этой жизни совсем даже не простой человек.

Обычная ситуация, чего уж там... не дурак, разбираюсь. И в конфликт с Самохиным влезать не собираюсь – если только не коснется чего-нибудь особо нехорошего. Ну, например, напьется этот самый Самохин и начнет своих односельчан отстреливать, приняв их за ворон или зайцев. Но это вряд ли – судя по моей информации, Самохин в чем-то подобном точно не замечен. Не запойный он, и не дурной.

Итак, середина мая – все цветет и пахнет, я заглушил

движок уазика, остановившись на поросшей свежей травкой площадке возле ворот дома, и с минуту сидел, прислушиваясь, как в недрах двигателя что-то позвякивает, побулькивает, переливается и шипит. Да, это вам не мерседес. Зато и застрянет там, куда мерседес даже не доедет.

Ключи от дома мне выдали в РОВД. Два ключа – один от калитки в воротах, на которой висел здоровенный ржавый замок, и второй от собственно входной двери, украшенной таким же точно замком, только чуть поновее. Видать лучше сохранился потому, что над крыльцом имелся навес, укрывающий входную дверь от всевозможных проявлений непогоды.

Представляю, что тут делается зимой, когда злостная метель заметает все дороги... Глушь! Полная оторванность от мира! Но почему-то эта мысль меня не пугала, скорее наоборот – вот так спрятаться от мира и сидеть бирюком, глядя в окно на то, как бесчинствует метель. Ни тебе начальства, ни тебе подчиненных-идиотов, вечно треплющих нервы ломающих аппаратуру. Лежи у печки, читай книжки, благо что я накачал этих самых книжек воз и маленькую тележку. Всегда любил читать книги, особенно фантастику, только вот не всегда удавалось это делать. В юности – книжки были дорогие, после – не было времени, суета заедала. А вот теперь...

В доме пахло «пылью веков». Такой неуловимый, хмм... странный запах. Даже и не скажешь, из чего он сложился – немного копоти из русской печки, водрузившейся посре-

ди кухни, немного запахов еды, впитавшихся в бревенчатые стены, немного запаха курева – прежний жилец видимо курил, в отличие от меня, и мой нос сразу ощутил табачную вонь. Каких только запахов здесь не было, и мне предстояло максимально избавиться от них от всех. И сделать это можно было только одним способом – как следует вымыть и пол, и стены. Проветрить помещение, и... заполнить своими запахами, такими же прилипчивыми и стойкими.

Нет, я не курю. Но люблю стготовить что-нибудь вкусненькое, еще – хороший одеколон люблю (типа «Богарта» или ему подобного). Шампуни хорошие люблю. Мыло душистое. И вообще – люблю чистоту и порядок, как вообще-то и положено нормальному связисту.

Перво-наперво разгрузил узик, забитый под самую крышу. Расставил кухонные девайсы – микроволновку, без которой уже как-то и не представляешь свою жизнь, газовую плиту на две конфорки, питающуюся от газового баллона (Как без газа? А в этой глухомани газ не скоро еще появится, если вообще появится когда-нибудь). Вещи, продукты – все по местам, все по коробкам. Бежать в магазин пока не нужно – с голоду не помру. Картошка, тушенка – все есть. Ну а там договорюсь насчет молока, мяса и всякого такого.

Закончив с обустройством себя молодого, отправился в опорный пункт полиции, собственно ради чего мой еще не старый организм в этой местности и оказался.

Тут никаких неожиданностей – грубо сложенное в три

кирпича одноэтажное сооружение, напоминающее бункер, решетки на окнах, стальная дверь, вделанная в бетонные косяки. Крепкая штука, точно. Так просто туда не проникнешь. Другой вопрос – зачем туда проникать? На кой черт кому-то из людей стремиться попасть в опорный пункт полиции, в котором нет ничего, кроме столов, стульев и плакатов, призывающих к мирной жизни в правовом поле?

Впрочем – народу все нужно, даже казенные столы и стулья. Да и наложить горячую кучу посреди ненавистой «мусарни» – это ли не предел мечтаний гордого борца с «кровавым режимом»?

В деревнях едва ли не половина мужиков или «сидели», или «сидят». И статьи разные – от «крадуновских», до самых настоящих убийств. Так что можно ожидать всего, чего угодно.

Кстати, обнаружил, что из помещения опорного пункта есть выход в основной дом – в хлев. То есть из него имеются два выхода – наружу, на улицу, и типа задний ход. Зачем? Наверное, чтобы можно было войти в опорный и зимой, когда занесет. Только вот какой тогда смысл в него заходить, если никто не сможет войти снаружи?

Некоторые загадки лучше и не пытаться разгадать. Только мозги зпkipят. Хотя... если хорошенько подумать – а дрова-то для печи опорного пункта где находятся? Тоже в хлеву! То есть – в дровянике под домом. То есть скорее всего это просто хозяйственный выход – например, за теми же дрова-

ми.

Печка, кстати, в опорном хорошая – долгого горения. Заложил дров, разжег, они и тлеют тебе часов пять, а то и больше. Тепло хорошо отдают. Такая же печка стоит и в доме наверху, поблизости от русской печи, имеющей скорее эдакое декоративное значение. Вроде как антураж. Топить само собой выгоднее экономную железную печь долгого горения, а не здоровенную каменную гробину. Хотя... настоящая печь конечно же приятнее. Пока дрова на нее имеются.

Кстати сказать, насчет дров я не волновался. Обещали за счет казны привезти столько дров, сколько мне надо и еще больше – в лесах ведь живем, в конце-то концов. Напилить? Запросто. У меня есть бензопила «Хускварна» – специально купил по совету того же старшего участкового. Колун есть, топор есть – а дрова колоть я люблю. Прекрасная разминка!

В юности, и потом в училище я занимался боксом – звезд с неба не хватал, но как следует засадить прямым в челюсть – это всегда-пожалуйста. И сейчас стараюсь физическую форму поддерживать. Мало ли... вдруг преступников придется задерживать! Или пьяного дебошира уронить. Так что у меня даже боксерский мешок есть.

Надо будет подумать – куда его приделать. На улицу? Так там дождь вымочит. Домой? Тоже как-то стремно... посреди комнаты – боксерский мешок висит, не эстетично, однако! В хлеву, наверное, повешу. Благо что там скотиной уж и не пахнет – так давно там скот держали, что даже и запах повы-

ветрился. Постучать по мешку – дело святое!

Обычно я, когда стучал по мешку, представлял себе морду того, кто в настоящий момент жизни нанес мне моральную травму. Например – комбата, отличавшегося прескверным характером и абсолютным недержанием мата. И при этом – ни черта не разбиравшемся в технике. Ну и так далее – постучишь по мешку, нанесешь ему травмы, несовместимые с жизнью, и на душе становится легче. И не убил никого, не сел в тюрьму. Это ведь классно, не правда ли?

Вроде как у японцев – были на предприятиях эдакие комнаты-бесильни: там развешаны портреты начальников, приделаны к боксерским грушам. Побил грушу, поплевал в портрет – и пошел себе на рабочее место ковать капиталы! Сбросил напряжение и ненависть!

Не знаю, правда ли это, или чья-то придумка – но вот слышал о таком, да и все тут. За что купил, за то и продаю.

Есть у меня и гантели, и даже скамья для занятий – ну чтобы фигура была не как у мешка с картошкой, а как у нормального Тарзана, на которого клюют все нормальные Джейн.

Только вот не везет мне с невестами, и сам не знаю почему. Ростом не вышел? Так нормальный рост – 185. Рост, как рост. Не низок, ни высок. Рожа кривая? Нет, не кривая – рожа, как рожа. Говорят, похож на киноактера... как там его этого демона? Тьфу! Из головы вылетело... а! Мэл Гибсон! Вот! Вспомнил! Только у Гибсона глаза голубые, а у меня

зеленые. А так – тоже шатен, и морда смазливая – как мне говорили те, кому я не нравился. Симпатичный – как мне говорили те, кому я нравился. Например – жена комбата...

Ну да, да – трахал жену своего командира! И он узнал об этом! И меня гнобил! И пришлось мне уволиться. Чего уж перед собой-то изображать святую невинность... был такой грех. Или скорее – грехи.

Или не грех, если у нас любовь была? Любил я ее, и сейчас люблю... Любила ли меня она? Или был я для нее только лишь развлечением, отдушиной в тесном мирке забытого богом гарнизона? Может быть и так, хотя думать хочется совсем другое.

Не знаю, вот и все! Ну не знаю я! Не умею мысли читать. А слова... слова были правильные: «Люблю! Мой любимый!» – и все такое прочее. Вот только как речь заходила о том, чтобы послать подальше своего майора и зажить крепкой ячейкой общества – тут же на попятную: «Мы должны подождать! Это не такое простое дело, с бухты-баряхты решать нельзя! Мы должны быть уверены в своих чувствах!». А когда майор нас все-таки накрыл – сразу визг, что это была секундная слабость, и что это я, негодный такой, виноват в ее падении. Так на нее наехал, что она не смогла сопротивляться моей смазливой мордашке! Заставил! Отвратительно... До сих пор как вспомню – мороз по коже. Хорошо хоть комбат побоялся меня физически покарать – плечи у меня соответствующие росту, а он вот им совсем даже не вышел...

Почему я не строил свою судьбу, окучивая какую-нибудь из свободных, незамужних девиц? Почему обязательно замужнюю, да еще и жену своего командира? Да когда же любовь спрашивала, кого надо любить?! Вот влюбился я в эту проклятую ведьму, да и все тут! Приворожила, чертовка!

Кстати – мне и вправду говорили, что Танька меня каким-то образом приворожила. Мол, она рыжая, да и в родне у нее ведьмы были, так что ничего удивительного нет. Только я в эту мистическую чушь не верю. Во всех этих экстрасенсов, колдунов-аферистов. Я бы их сходу сажал, мерзавцев! Деньги сосут с народа, и ни черта никому не помогают! Мошенники проклятые!

Но хватит об этой чуши. Моя жизнь не предполагает ни малейшей мистической составляющей. Я не какой-то там малограмотный идиот, бегающий к бабкам-знахаркам и колдунам-лекарям! Для лечения есть нормальные больницы с нормальными врачами, а всему остальному место в книжках жанра фэнтези. И только так.

Узик загнал во двор, благо что двор был большущим, видать когда-то сюда въезжали лошадиные упряжки, и может быть даже не одна. Что там какой-то узик, сразу потерявшийся в углу возле бани?

Кстати, посмотрел и баню. Удивился. На удивление добротное сооружение – крепкая, явно не так давно подновленная печь с вмазанным в нее огромным котлом, свежие, не успевшие потемнеть лавки, поленища дров рядом, у входа в

пребанник – все, как полагается! Очень даже приличное сооружение. Похоже, что его реанимировал мой предшественник, вероятно любивший попариться в такой вот русской бане. Я не особо истовый любитель всевозможных бань, но почему бы и не попариться? Тем более, что мыться-то где-то надо, не только из летнего душа за заднем дворе!

Да, был и летний душ, и тоже устроен скорее всего моим предшественником. Сделано хорошо, надежно, здоровенный бак на крыше, выкрашенный черной краской – по уму сделано, как надо.

И все-таки странно – чего не хватало этому мужику? Какого черта он отсюда уехал? Все наладил, отремонтировал, построил, и... в бега! Впрочем мне ли это говорить? Я-то какого черта ударился в бега, уволившись со службы? У всех свои обстоятельства...

Но да ладно. Первым делом – пойду знакомиться с главой администрации, как там бишь его звать? Эмм... записано... Танюшкин Семен Васильевич. Тьфу! Это надо же такую фамилию заполучить! Нет, бывают фамилии и гораздо хуже – я в сети такие фамилии видел, их даже выговаривать стремно – получается матерно. Но Танюшкин?!

Ох как не нравится мне такая фамилия! Напоминающая о том, чего хотелось бы забыть. Влез в самую что ни на есть глухомань, и на тебе – глава администрации с фамилией Танюшкин!

Бросил на сиденье уазика кожаную папку, без которой

немыслим ни один участковый (для солидности, чего уж там), выехал со двора и отправился искать главу администрации – надо же знакомиться? С фермером сведу знакомство потом, когда настроение появится.

Честно сказать, настроения для этого не было никакого. Вот недолюбливаю я новую крестьянскую аристократию, ранее метко именуемую «кулаками», и ничего с собой не могу поделать. Мама была яркой коммунисткой, вот и во мне зреют гроздья гнева: «Взять все, и поделить!». Шучу, конечно... но и правда этих «новых кулаков» недолюбливаю. Генетическая память?

Мама была не из богатеев, это точно. Про свою родню ничего не знала – детдомовская. Вроде как откуда-то из деревенских была ее мать и моя бабка. Куда делась, что с ней случилось – мама мне не рассказала. Потому что сама не знала. Почему не знала? Это вопрос к ней. Только теперь уже и не спросишь...

Тихо в деревне (когда заглушишь движок!). Только где-то далеко лает собака, да каркает ворона, пристроившаяся поклевать свежего лошадиного дерьма. Видать недавно кто-то проехал на телеге с лошадыю – след отпечатался на влажной глине дороги возле извечной грязной лужи. Кстати сказать – лошадь в таких местах уступает первенство только трактору-воровайке с кузовом впереди кабины, а может и превосходит по значимости. Трактор-то нужно кормить соляркой, солярку купить или украсть, а вот лошадка вполне себе об-

ходится подножным бесплатным кормом. Да и проходимость у нее не хуже трактора.

Кстати сказать, а я бы на лошади поездил. Нет, не на телеге, конечно – верхом! Так и представляю себя в полицейской форме верхом на горячем жеребце! Сапоги начищены, сверкают под солнцем, как и мой вороной жеребец, а на боку у меня... сабля! Почему сабля? Сам не знаю. Но сабля! Казацкая такая, настоящая! Как можно на коне, в форме и без сабли? Это непорядок!

Я тихо хихикнул, толкнул дверцу уазика и вышел перед магазином, на вывеске которого красовалась надпись «Маркет». Снова усмехнулся – маркет, видишь ли! Футы-нуты! Чего не «Супермаркет»?!

В магазинчике было прохладно и пахло подгнившими яблоками. А еще – свежим хлебом, который привозили сюда из райцентра (когда дороги не заметало). За прилавком женщина лет пятидесяти – ничем не примечательная, женщина как женщина, таких в селах центральной России каждая вторая. Увидела меня – запнулась, говоря с покупательницей, но потом снова углубилась в работу: укладывала в сумки хлеб, сахар, конфеты и все то, что хотела получить покупательница – пожилая женщина, можно сказать старушка неопределенного возраста. Тоже не особо чем примечательная – ну старушка, и старушка, в платочке и вязаной кофте по погоде.

– Здравствуйте! – жизнерадостно поприветствовал я аборигенов – Я ваш новый участковый! Василий Михайлович

Каганов, старший лейтенант полиции! Прошу любить и жаловать!

– Здравствуйте! – ответила продавщица, а старушка совсем ничего не ответила. Отвернувшись от прилавка, посмотрела мне в глаза и вдруг негромко так, но вполне разборчиво пробормотала:

– Сын третьей незаконнорожденной в роду. Незаконнорожденный.

И тут же, требовательно и жестко:

– Родился с зубами? Мамкину сиську небось до крови кушал?

– Эээ... мм... – информативно промычал я, не найдясь – что сказать (Кстати, точно – мама говорила что я с зубами родился – резцами. И хлопот ей от них было предостаточно).

– Точно, с зубами! – торжественно заклемила старуха – Тогда может и удержишься. Хотя... не сможешь, духа у тебя мало. Силы мало! А без силы... но да что тебе говорить – теленок ты, и больше никто. Жаль тебя... мордочка вон какая... смазливенькая! Погибель бабская. Смерть девичья. Но на тебе – крест безбрачия. Только и можешь, что чужих баб портить, а настоящая, хорошая девка за тебя не пойдет. На роду тебе написано – с чужими бабами кувыряться и через то беду себе наживать! Ладно, сейчас ты ничего не понимаешь, но это даже и лучше. Участковый... Василий Каганов! Видали мы участковых... Смотри Васька, против света пойдешь – плохо будет! Совсем плохо! И не трогал бы ты

его... не разворачивай, не смотри! Наживешь проблем, ох, наживешь! Хотя... что я говорю – все равно ничего не изменишь. Так уж суждено. Что суждено, то и сбудется.

Бабка собрала сумки с продуктами и не оглядываясь вышла из дверей магазина. А я остался стоять – ошеломленный и будто оплеванный.

– Что это такое было-то? – неуверенно спросил я у продавщицы, застывшей за прилавком, и та недоверчиво помотала головой:

– Баба Нюра. Знахарка наша.

– Знахарка?! Это типа экстрасенса, что ли? – хмыкнул я, и криво усмехнулся – не верю я этим экстрасенсам! Аферисты чертовы!

– И не чертовы – поджала губы продавщица – Баба Нюра с чертом-то никогда не ведалась. Светлая она. И провидит, и лечит. До района-то двадцать верст, не наездишься! А она и порошков даст, и травкой попотчует – получше всякого врача! И от запоя лечит!

– Ну, если от запоя, тогда да... – ухмыльнулся я.

– А что вы смеетесь? – немного обиделась продавщица – Для наших очень даже актуально! Мужики спиваются! Делать-то нечего, зимой особенно – вот и спиваются. Если бы не баба Нюра...

– Как это нечего? А работа по хозяйству? А заготовки всякие? Неужто в деревне и делать нечего?

– А вот так и нечего – вздохнула продавщица – Да и хо-

зййств особых-то и нет. Свиной щас уже перестали держать – невыгодно. Коровенки, да, это есть. Молоко-то надо? Масло опять же... Заготовки? Да... грибы, ягоды... картошка опять же. Но то летом-осенью! А зимой что делать? Бухать только, да телевизор смотреть! А в телевизере чего смотреть? Ерунду всякую кажут! Скучота! Вот и бухают по-черному! И запой бывают. Хотя и летом запой бывают, чо уж там... И вот баба Нюра спасает. Пошепчет, порошочков даст, мужик и завязал бухать. А вы говорите – аферистка! Какая же она аферистка, побойтесь бога!

Мы помолчали. Я не хотел противоречить новому своему «контакту», чтобы не рассердить и не прервать тонкую нить общения, хотя и остался при своем мнении – ишь, развели тут мракобесие! Женщина же о чем-то задумалась, о своем видать, наболевшем, потому что лицо ее сразу постарело и возле губ пролегли горестные складки.

– А как вы тут с фермером вашим живете? Не обижает? Как с ним дела?

– Фермер-то? – очнулась женщина, и невольно оглянулась на дверь – Игорь Владимирович-то? Да чего с ним... ничего с ним. Дела – это у него, а у нас делишки. Этот магазин – его. И промтоварный рядом – тоже его. И еще по селам – тоже его магазины. Тут все его. Какие с ним дела? Работаем мы на него, и не жалуемся. А чего жаловаться? Деньги платит. Невеликие деньги, так больше-то тут работать и негде. Зато вовремя отдает. Вот так вот... А вы в колдунском доме жи-

вете, да?

– В каком?! Каком доме?! – у меня едва челюсть не отвисла.

– В колдунском! – кивнула женщина – А что, вам не ска-
зали? Домина-то ваш с прошлым! Он пустой стоял почитай
лет... ой, и не знаю сколько! Сорок? Пятьдесят? Я еще дев-
чонкой совсем была, а он пустой стоял. А потом его админи-
страция взяла на учет как пустующий, хотели продать, а ни-
кто не покупает. Кому нужен колдунский дом? И его сдали
под пикет, под участкового. Говорили же главе – не к доб-
ру это! Не будет толку с такого дела! Так не послушал. При-
стройку сделали под пикет, все такое. Скважину пробурили,
ну чтобы вода-то была, а то только в колодец надо было хо-
дить, обустроили все. Самохин тоже помог, Владимирыч –
выделил денег спонсорских, помог. Когда есть свой милици-
онер, так чего ж плохого? Мало ли что случись... на днях вот
Варьки Катиной муженек забуянил – так она от него по всей
деревне бегала! Обещал ей глаз подбить, чтобы не смотрела
куда не надо. А куда ей смотреть? На то, как он свой пузырь
допивает, что ли?

– Догнал? – хмуро поинтересовался я.

– Кого? А! – поняла продавщица, имени которой я так и
не спросил – Варьку-то? Неа. Она как припустилась, и прям
к Самохину! И давай рыдать! Тот вышел, поговорил с Валер-
кой-то, тот и утихомирился. Владимирыч умеет с народом
говорить!

– Так почему дом-то колдовской? – перевел я разговор на нужные рельсы – с чего вдруг?

– Бредни это все бабские! – раздался со спины густой мужской баритон, и я чуть было не вздрогнул – Придумали, что жил в этом доме еще до войны один дедок. Промышлял знахарством и все такое. А потом помер вроде как. Ну и всех делов! Здесь любят этой чушью мозги забивать – места-то глухие, народ дурковатый. Давай знакомиться? Насколько понимаю, ты Василий Каганов, новый участковый. Ваш начальник полиции звонил мне, говорил. Он приезжает иногда ко мне – на охоту, или рыбки половить.

– А вы Самохин Игорь Владимирович?

– А как догадался? – усмехнулся Самохин, выглядевший как некая копия былинного богатыря – седая борода лопатой, широкие плечи, здоровенные, перевитые синими венами кисти рук.

Небось подкову ломает! – подумалось мне, и потому пожимал я его протянутую руку осторожно, не дай бог сожмет как следует! В кашу превратит!

Однако вопреки ожиданиям, пожал руку Самохин аккуратно, без эдакого стремления некоторых сильных людей «пережать» нового знакомого, устроить локальное доминирование и тем приподняться в своих глазах. Нет – нормальное пожатие крепкого, выдавшего виды мужика. Смотрит внимательно, пристально, будто желая проникнуть взглядом мне в мозг и прочитать мысли, но никакой недоброжелатель-

ности от него не исходит. Легкая настороженность и любопытство, и только лишь.

– Я вас прокачал! – усмехнулся я, отпуская широкую ладонь.

– Книжки читаешь? – ухмыльнулся Самохин – Или кино смотрел? «В августе 44-го»! Ну, прокачать меня было легко, правда, Нин? Кто еще тут у нас такой наглый, кроме меня?

– Да ты не наглый, Владимирыч! – хихикнула продавщица – чего на себя наговариваешь?

– Наглый, наглый! – хохотнул Самохин – Ладно, не о том речь. В общем – рад был познакомиться, Василий Каганов! Фамилия-то у тебя какая... царская! Не то что моя!

– Имеете в виду – от кагана пошел? Царя ордынского? – ухмыльнулся я – Да чушь это все. Непонятно кто дал фамилию, с потолка. Мама-то моя детдомовская, так что и неизвестно, какого рода.

– Владимирыч, знаешь, что ему баба Нюра наговорила? – встряла продавщица – Говорит, он незаконнорожденный сын третьей в роду незаконнорожденной женщины! Во!

– Опять свое мракобесие распространяет? – поморщился Самохин – Вот же баба Нюра! Неймется ей! Ты не слушай, Василий... тут у нас по округе таких чудных полным-полно! Знахарки, кликуши и всякая такая ерунда!

– Пойдите! – спохватился я – Так что там с домом-то связано? Почему колдунский?!

– Если так интересно – это тебе Нина расскажет. Она всю

эту чушь собирает. А мне некогда, труба зовет. Будет время – заходи, поболтаем за жизнь. Если чего нужно для работы – скажешь мне, чем могу помочь.

– Кстати, а на кой черт вам тут понадобился опорный пункт полиции? – вдруг вырвалось у меня – Вы и сам, насколько я слышал, неплохо управляетесь с нарушителями порядка. Полицейский-то тут зачем? Или это чья-то инициатива со стороны?

– Ох, Нина! Болтушка! – Самохин укоризненно помотал головой – Ну все разболтает, находка для шпиона! Да нет, Василий... тут все сразу. Во-первых, с какой стати я лично должен порядок наводить? А власть тогда на что? Она меня охранять должна! И других охранять! А если бы и правда этот дурак догнал свою женушку, да башку-то ей и набил? И что тогда? Ну и вообще – почему я должен разбираться, чья корова потраву на огороде навела, и надо ли эту корову тогда искоренять в возмещение ущерба? Да и вообще народ приструнить – а то расслабляются! Побухивают не в меру! Опять же – приезжие у нас тут бывают, рыбачить на озера приезжают, иногда ведут себя неправильно. Вот власть и нужна. Мы всегда поможем, ежели чего, но кто-то должен и возглавить! Не так ли?

– Шериф. Вам тут нужен герой-шериф! – брякнул я даже не задумываясь, и Самохин довольно хохотнул:

– Точно! Шериф! Вот ты и получил погоняло – Шериф! Теперь пристанет – не отлепишь! Ладно, ушел я – пойду по-

гляжу, как там Костян с трактором возится, а то ведь мерзавец сейчас под брюхом и уснет. Пока не пнешь – как следует работать не будет! И все здесь так – без пинка – никуда!

Самохин резко развернулся и стремительно исчез за косяком приоткрытой двери. Ну а я воззрился на продавщицу, довольно поблескивающую глазами. Ну как же – сейчас все расскажет! А если не расскажет прямо сейчас – лопнет от переполнявшей ее информации!

– Ну так что там насчет колдунского дома? – нажал я на спусковой крючок, или вернее будет сказать – повернул барашек крана.

– Этому дому лет двести! Или триста! Только он не гниет, и не портится! Как заколдованный! – затараторила продавщица – А жил в нем колдун, звали которого то ли Ерофеич, то ли Еремееич – щас уж и не вспомнить. Мне мама о нем рассказывала, а ей – ее мама. И вот был этот колдун таким старым, таким древним – что уже никто и не помнил, когда он в том доме поселился. Говорили – пришел откуда-то из лесов, и стал тут жить. И прознали люди, что он колдун. Как прознали – не знаю. Прознали, да и все тут! Стали к нему обращаться – кто какую настойку от лихоманки просил, а кто чего похуже... например – любовный приворот. Или наоборот – отворот. Вообще, боялись его, бабушка рассказывала. Нехороший у него был взгляд. А еще – один глаз голубой, а другой – черный. Говорят, так бывает у колдунов, которые и на светлую сторону смотрят, и на темную. Ну то есть

и дурное колдовство творить могут, и белое тоже творят. А если колдун на темную сторону уйдет, так у него оба глаза черные делаются! Ну так бабушка рассказывала, я ничего не прибавляю, все как есть говорю. Вот этот колдун в доме-то и жил. Ну в том, где вам жить отвели! Баба Нюра говорила, мол, ерундой занимаемся, не выдержит участковый, или по-мрет, или сопьется – но ее ни кто не слушал. Вот и получилось! Вначале-то шустрый парнишка был, важный такой ходил, а потом...

Продавщица осеклась, взгляд ее метнулся в сторону и снова упал на меня. И теперь в этом взгляде было что-то вроде безгливой жалости, будто смотрела она на больного человека, к которому и прикасаться-то противно – настолько он вонючий и гнойный, но и жалко – человек же все-таки!

Мне вдруг стало не по себе. Даже мороз по коже прошел, как если бы ледяным ветерком потянуло. Видать настало здание магазина за холодную зиму, вроде и весна, а стужа все не отпускает. Да и немудрено – здание-то старое-престарое, прикидываю – кирпичей в шесть толщиной эти стены! Не нынешней постройки, да и не советской – вон, кирпич какой старинный, да и раствор не на цементе. Больше напоминает кладку кремлевских стен. Интересно, откуда здесь взялось такое старое кирпичное здание? Кучкино убогая деревенька в глухомани! Кто тут станет строить *такие* здания?! И кстати, похоже, что эта постройка всего лишь часть какой-то большой постройки. То, что сохранилось. Когда подъезжал,

мне показалось, что за магазином что-то вроде остатков фундамента.

– А что за фундамент за магазином? – прервал я тягостное молчание – Что тут раньше было?

– Ой! Да вы не знаете?! – обрадовалась продавщица, явно довольная тем, что тема поменялась – Да это же бывший господский дом! Тут помещики когда-то жили. Шас уж фамилию их никто и не помнит, но то, что господский дом был – это точно! Их в революцию раскулачили. Или нет, не раскулачили... тьфу! Забыла, как это называется. В общем – всех поубивали.

Продавщица заговорицки понизила голос, наклонилась ко мне:

– Говорят, у них десять девушек было, господских дочек! Когда дом-то подожгли, их всех вытащили наружу и снасильничали – всей деревней! Ну... всеми мужиками. А потом утопили в господском пруду – вон там, дальше, где шас Владимирыч карпов разводит. Ну и вот – они в русалок превратились. Иногда берут, и топят людей!

– За ногу утаскивают, что ли? – усмехнулся я.

– Ну, за ногу или не за ногу, или еще за какое место – поджала губы продавщица – а время от времени тонут там люди. И куда деваются потом – никто не знает. Пролшый год утоп один приезжий. Они на берегу шашлык жарили, с девками плясали. А потом девка бежит – мол, утоп ее парень! Вызывали из города водолазов, искали, но так и не нашли.

Там вроде как на дне бревна, лесины всякие, да и вода мутная. Пруд этот, или озеро – как назвать не знаю, он вообще у нас странный. То прозрачная вода, а то мутная делается. Вообще ничего не разглядишь. Ну вот и не разглядели. А позапрошлый год девка утопла – Катька Федюнина. Купалась, и вдруг – рраз! И пропала! Но эту нашли. Говорят – сердце слабое у нее было, инфарк ее шарахнул. Инфарк – дело такое, щас идешь вроде здоровый, а потом рраз! – инфарком тебя жажнуло. Вот! Так вот – говорят, что девки, когда их насильничали и топили – проклиjali деревню-то нашу. И всю округу проклиjali. Ничо хорошего тут не будет теперь! Мужики спиваются, бабы топятся – ничо хорошего.

– Опять врешь, Нина Петровна? – за спиной молодой женский голос, мелодичный такой. Я оглянулся – женщина лет тридцати, не красавица, но... про таких говорят: «приятная». Голубые глаза, стройная фигура. Одета можно сказать «по-городски» – джинсы в обтяжку, ветровка, облегающая крепкую грудь.

– И ничего не вру! – запальчиво бросила продавщица – Просили меня рассказать, вот и рассказываю! А ты вечно не в свое дело лезешь, Машка!

– Про призраков успела рассказать? Про барабашек и домовых? – улыбнулась женщина и провела по коротко стриженной «под мальчишку» голове ухоженной, совсем не деревенской рукой – Вы ее послушайте, она и не такое вам наплет! Вместе с бабой Нюрой. Одна – местная ведьма, другая –

просто болтушка, все сплетни собирает.

– Да какие сплетни?! – продавщица так разозлилась, что теперь чуть на месте не подпрыгивала – Если ты сама чего-то не видела и не слышала, это не значит, что ничего такого нет! Если ты учительница, так не щитай, што умнее всех! Ишь, обтянула задницу, и ходишь, мужиков смущашь! Так бы и врезала тебе по твоей заднице!

– Да чего? – «Машка» внимательно оглядела «низы», демонстративно пожала плечами – Задница, как задница. Товарищ старший лейтенант, посмотрите, у меня что, плохая задница? Она вас смущает?

Я нарочито демонстративно осмотрел предложенный мне объект, и тоже пожал плечами:

– Да вроде нормально все. Пропорции соблюдены. Все на месте. (Попка и правда была хороша. Про таких говорят: «фитоняшка»!).

– Видишь, тетя Нин, а тебе не нравится. Тебе ведь какую нужно задницу – чтобы у земли, чтобы ноги толстые, короткие, а руки длинные, чтобы удобно было воду на огород таскать! Чтобы крепко на земле стояла! Идеал!

– Тьфу на тебя! – в сердцах сплюнула продавщица – Ведь была девка как девка, а в город уехала, совсем испортилась! И зачем сюда вернулась – только парней наших с ума сводить! Да детишек учить не тому, чему надо! А потому они неслухами делаются и в город убегают!

– В город они убегают от безнадеги – с горечью заметила

«Машка» – Ловить тут нечего, вот и убегают. Как будто там их кто ждет. Кроме неприятностей.

– Скорее, скорее во двор! Они нас ждут! – задумчиво про-
бормотал я, совсем забыв, где нахожусь, но «Машка» меня
услышала:

– Я тоже люблю этот мультик. Философский, правда?
«Котенка с таким именем во дворе ждут одни неприятно-
сти!» Умели делать мультики в советское время, мне кажет-
ся – сейчас уже разучились.

– Наверное... – задумчиво протянул я, и слегка запнув-
шись, спросил – Можно узнать, как вас зовут? Я новый
участковый, Каганов Василий. (Я именно так и сказал – «Ва-
силий». Почему-то не хотелось добавлять отчество, когда
представляешься такой женщине...)

– Как меня зовут? – весело рассмеялась девушка, и я по-
нял, что ей поменьше, чем тридцать лет. Просто когда она
не смеялась, то выглядела старше, как будто ее придавили не
очень счастливо прожитые годы – Всяко зовут. И частенько –
матерно. Правда, тетя Нин? Ладно, ладно, не обижайся, Ни-
на Петровна. Тетка ты хорошая, мама тебя уважала. Только
болтаешь лишнего иногда. Не по делу. И веришь во всякую
бабкину чушь. А так – хорошая женщина, честная.

– Ладно тебе, Машулька... – Петровна явно сменила гнев
на милость – Мы с твоей мамкой подругами были. Я так пла-
кала, так плакала когда она померла! Чуть сердце не остано-
вилось! Жалко, что ты ее не застала. Машенька наша учи-

тельница, товарищ участковый. И директор школы. Школа начальная, у нас тут учителей раз, два, и обчелся. До третьего класса, потом в интернат уезжают, в район. Вот она, да еще Лилия Карловна их учат. Лилия Карловна русский язык и литературу, письму, в общем, учит, а Машенька арифметике, ну и всяко еще, чего положено. Хороша девушка, только вот не повезло ей... муж гавнюком оказался, и она...

– Нина Петровна! – глаза Маши едва не метали молнии – Ну что ты все выбалтываешь, как программа «Время»?! У тебя хоть что-то держится?! Теть Нин!

– А что там все-таки с домом... моим? – не удержался я – Что там за барабашки? Что, взаправду полтергейсты всякие?

– Да ну что вы слушаете? – поморщилась Маша – прежний участковый от скуки допился до белой горячки. Вот и виделось ему всякое! И слышалось! Чушь все!

– Маша атеистка, не верит ни в бога, ни в черта – укоризненно помотала головой Нина Петровна – А зря! Аукнется ей это все! Ох, церковь не работает. Закрыли, как старый поп помер. Молодые не хотят в эту глухомань ехать. Теперь и святой воды не найдешь, в район за ней надо ехать! Охонюшки... вот времена пришли!

– Теть Нин, не кликушествуй – нахмурилась Маша – Времена, как времена. Не хуже и не лучше других. Зато тут тихо, спокойно, и ничего... совсем ничего не происходит. Так надоела эта грязь снаружи! В городе! Василий, вы телевизор смотрите?

– Сейчас? Сейчас я не смотрю! – я оглянулся, будто искал экран телевизора – А вообще, бывает. Почему бы и нет? Я люблю хорошие сериалы. Игру престолов, например. И новости посмотреть – чем плохо?

– Все плохо! Все! Они воняют! Все – воняют! – лицо Маши искривилось и застыло в судороге, выражая невероятное отвращение – Врут! Все врут! И ты врешь! Вы все – врете!

Маша выбежала из магазина, а я так и замер, хлопая глазами – да что это было?! О господи... куда я попал?!

– Она так-то нормальная – грустно бросила Нина Петровна – Ей муж изменил с ее лучшей подругой, мне рассказывали. Она их застала прямо в супружеской кровати. Маша взяла нож и... в общем – подруга выжила. Муж нет. Маша с собой покончить хотела, вешалась, а веревка оборвалась. Тогда она руки порезала. Только когда она вешалась и упала, кто-то милицию вызвал. Соседи снизу – они скандальные у них были, мне Людка Курихина рассказывала у нее родня в том подъезде живет. Ну и вот – вызвали, а дверь-то в квартиру и открыта! Машка ее закрыть забыла, когда туфли чужие-то увидала у порога. Зашли милиционеры, а там кровища! Мужик Машкин голый, порезанный, истыканный, и баба эта – Машка ее двадцать раз тыкнула. Только мы, бабы, живучие, вот эта сука и выжила. А потом и Машку нашли – она в ванной лежала, в кровище вся. Ну ее конечно в больницу, потом в психушку, а потом и признали невменяемой. Вот такая история.

– И как же она тогда учит детей?! – едва не ахнул я – Она же сумасшедшая!

– Но-но! Никакая она не сумасшедшая! – возмутилась продавщица – Так, немножко повернутая, дак кто щас нормальный? А детей она любит. Всегда хотела детей, да вот бог не дал. Теперь чужих учит. Владимирыч ей подсобил с устройством, вот теперь тут и живет, дома. Одна. Мамка-то у нее в лесу замерзла, ночью. Как так случилось – никто и не знает. Только ушла ночью в лес и замерзла. Машка как раз в больнице была, в психушке, не похоронила. Теперь вот страдает по мамке. А то что я ее ругаю... так это для порядка. С задницей у нее и правда все в порядке, еще как в порядке! Только вот мужиков смущает, да. Одинокая, мужики-то подопьют, и начинают мечтать, как она их под бок к себе пустит. Ну и начинается... дома скандалы, жены-то слепые, что ли? Опять же – начинают жен своих ругать, мол, разожрались, нет бы как Машка быть такой вот стройной. А кому это понравится? Чтобы тебе в нос чужой бабой тыкали, да еще и одинокой! У нас ведь как считается – баба одна живет, значит – примет любого мужика! Значит – гуляща! Но это же дурь!

– И что, у нее никого нет? – неожиданно для себя спросил я, и тут же устыдился вопросу. Чего Петровна подумает? А подумала она то самое.

– И ты туда же! Эээ... мужики, одно слово! – поджала губы, сделалась сердитой – покупать-то чего будешь?

– Вообще-то я с обходом. Надо же с населением знако-

миться – построжел и я – Опять же, хотел спросить где тут администрация. Надо главе представиться, официально.

– А чего – администрация? По улице поехал, вот где красная табличка и флаг, то и администрация. Только нет главы сегодня. Уехал он, в Тверь подался. Дочка у него там учится, вот ей продуктов и повез. Приедет через неделю, делов-то! А я щас закрываюсь, обед у меня! Ежели ничего брать не будешь – так я закроюсь пока. Домой пойду.

– Нина Петровна, так чего там насчет барабашек-то? – попробовал я остановить продавщицу, но она отмахнулась:

– Не знаю ни про каких барабашек! Вранье все! Сам узнаешь... только поздно будет. Вы, молодые, ничему не верите, все у вас хиханьки, да только под юбки девкам заглянуть! Тьфу одно! Все, освободите помещение, у меня обеденный перерыв!

Я ничего больше ей не сказал. Вышел из магазина и не обернулся на грохот захлопнувшейся за спиной двери. Загрохотал железный засов, висевший до того на одной петле косяка, все, Нина Петровна забаррикадировалась. Мда. И чего она так рассердилась, когда я спросил про Машу? Я так-то ничего плохого в виду не имел...

Ну да... «Чего вы имели в виду? А вот чего имею, то и введу!» Себе-то чего врать? Попка Маши так и не выходит из головы!

Зашибись – «ее попа у него в голове!» Ха! Нет, не скажу, чтобы у меня не было ни одной женщины, кроме предав-

шей меня Таньки – были, я же нормальный парень! Только вот вспомнить никого не могу. Так... попки, попы, задницы – и больше ничего! Вместо лиц – светлые пятна. Не запомнились, да и все тут. И не задержались. Больше одной-двух встреч как-то ничего и не получалось. Или сами отпадали, или я просил больше не приходить. Даже проститутку про- бовал – но тут уже просто противно. Представишь, сколько у нее до меня было, и сколько будет после – и тошно становится. Это как чужие грязные носки надеть – вроде и тепло, но все время кажется, что в них что-то шевелится. Насекомые.

В общем, всколыхнула у меня в душе какие-то струнки эта самая ненормальная Маша. Как крючок в душу запустила, и подтягивает, подтягивает... Ладно, посмотрим, как дальше будет. Начну работать, работа затянет – не до «машек» будет.

– А вы наш новый участковый? – три женщины, две взрослые, примерно за сорок, одна молоденькая, почти девчонка.

– Ваш новый участковый – кивнул я, и важно поправил кобуру с пистолетом – А что, какие-то проблемы?

– Да никаких проблем! – широко улыбнулась та, что повыше – Это хорошо, что теперь у нас милиция есть! А то вот на днях один разбуянился, ну сладу не было! А теперь – есть кому разобраться!

– Не милиция, а полиция! – поправил я, и достав из кармана визитку, подал ее женщине – Вот мой телефон. Звоните, если какие-то проблемы будут. Чем могу – помогу.

– Хорошенький какой! – улыбнулась та, что пониже, и ее

черные глаза впились в меня взглядом – Неженатый?

– Неженатый – улыбнулся я – И не собираюсь! По крайней мере, в ближайшее время!

– И на часок не подженитесь? – продолжила женщина, и все три закатились со смеху. Развлекаются они, понимаешь ли!

– Часок маловато будет – серьезно заметил я – вот два часа, это куда ни шло! Все трое хотите поджениться?

– Шустрый какой! – хохотнула высокая – Ишь, всех троих! Небось не хватит сил, на троих-то! Ладно, пойдем мы. Главное, товарищ милиционер, со скуки тут не спейтесь. Ваш коллега тут почудил... бывало выйдет на крыльцо, и давай из своего пистоля по воронам шмалять! И кричит – нечего за мной подглядывать! Вроде как вороны за ним шпионят! Хи хи хи... Белочку как поймал, так его отсюда и убрали. А тоже – молодой был, интересный, до девок охочий!

Женщины пошли по дороге, хихикая и оглядываясь на меня, а я полез на сиденье УАЗа. Честно сказать, желание знакомиться с населением на сегодняшний день у меня пропало напрочь. Переизбыток информации, что ли. Голова просто ватная – столько сегодня услышал, столько пришлось узнать – мозг спекается! Ну ее к черту, эту службу! Сегодня понедельник – через неделю мне в отдел: получать ЦУ, они же «ценные указания», бумаги, которые нужно исполнить, а в случае приступа сексуального возбуждения у начальства – готовить вазелин для исполнения наказания. Мент, кото-

рого регулярно не дружит непосредственное начальство – суть махновец, которому только бы спать, жрать, напиваться и дружить одиноких баб, живущих на его «земле». В этом, конечно, была своя сермяжная правда, но... не до конца. Не до него, ага.

В общем – завел я свой уазик, развернул его, и показал «домой». Нет – домой. Потому что этот двухэтажный дом, который волею судьбы стал моим пристанищем на ближайшие несколько лет. Или станет? Ох, наслушался всякой ерунды, теперь и сам весь «на измене». С этими деревенскими пожалуй поверишь во всякую мистическую чушь.

Ничего мистического во дворе я не увидел. Ну кроме, разве, особо крупного куста чертополоха, выросшего возле сарая. Ну красавец, ей-ей! Колючие листья растопырил в стороны, будто охраняя логово людоеда, розовые цветы пышными бутонами по всем рукам-веткам – красотища!

Почему мистическое? Чего такого мистического я увидел в этом чертополохе? Да какого ж хрена он так вымахал и расцвел в середине мая?! И это тогда, когда период цветения у него июль-август!

Откуда знаю период его цветения? Да знаю, и все тут. Где-то прочитал. Сначала-то как увидел и не понял ничего – ну цветет колючая пакость, и пусть себе цветет. Мне-то что? А сейчас, когда наслушался всякой мистической дряни от односельчан, стал обращать внимание на такие вот странные отклонения от нормы.

Ладно. Потом разберемся. И с отклонениями. И с чертополохом. На всякий случай у меня есть и триммер, работающий на бензине. Знал, куда еду, сразу приготовился бороться с травой. Ну не косой же мне бурьян рубить?! И нанимать кого-то тоже стремно... В общем – поддался порыву, да купил, благо что деньжонки кое-какие имеются. Не ахти какие, но семь сотен тысяч («Деревянных», конечно, я же не Абрамович, а Каганов!) у меня имеются. Можно было бы даже машину купить, что-нибудь вроде «Нивы», но на кой черт? Пусть транспорт служебный дают, сельскому участковому полагается. Так что уазик мне очень даже в тему.

Пошел дальше, в огород. Вернее – в сад-огород – посмотреть, что там и как. Не люблю, когда сад донельзя запущен. Все-таки внутри меня есть крестьянская жилка, хочется порядка среди плодово-ягодных. Опять же – я так-то груши люблю. Да и компот из свежих яблок уважаю. Ну и малины можно с кустика поклевать – я что, не от мира сего? Такой же человек, хоть и участковый! Хе хе...

Сад не впечатлил. Видно было, что прежний хозяин что-то тут попытался сделать, вырубил штук пять старых деревьев – вон они, в стороне валяются, стволы толстенные – но ничего особо дельного не произвел. Сорняк растет – просто стеной. Уже поднялась молодая поросль, не такая, как чертополох, но очень даже крутая. Вырастет – будет образцом садового сорнячества. Вот где пригодится мой триммер! Он даже не триммер, а сучкорез, полупрофессиональный – тут

только такой и нужен, уж больно много толстеного, в большой палец толщиной сорнякового сухостоя. Такой леской не возьмешь, только диск наподобие диска циркулярки!

Вот я какой настоящий садовод! Все-то инструменты у меня есть!

А что, привыкаю. Все-таки не в городе вырос, кое-что в огородничестве понимаю! Огурцы-помидоры выращу, если понадобится!

Вообще-то глупо покупать огурцы, если живешь в селе. Да и где покупать? В магазин их точно не привезут – селяне засмеют. У каждого дома такие огороды, что можно на рынок возить эти самые овощи! Что они и делают. Можно было бы и у них прикупить, но... вот стремно как-то покупать у соседей, тем более участковому. Тут или на халяву, или никак. Иначе какой я участковый? Уважать не будут.

Хотя за что им меня пока уважать? Ну... хотя бы за форму! Я представляю законную власть, так что давайте уважать! А кто не уважает, тот пожалеет. Мелок участковый, да за ним власть стоит, а власть... это власть!

Ухмыльнулся, пошел дальше по саду – туда, где в углу, у забора, виднелся старый, потемневший сруб колодца. Интересно, колодец этот самый фунциклирует? Готов напоить усталого участкового сладкой водой, или туда дряни всякой накидали, чтобы «мусора» подавились?

Колодец не был готов напоить ни меня, ни кого-то еще. Сруб покосился, прогнил, ворот без ручки, цепи тоже нет

– давно уже поперли в «трудоночь». Это мой друг детства Яшка так называл сеансы сельского воровства: «Трудоночь». Селянин никогда не упустит возможности попереть что-то некрепко прибитое. А крепко прибитое оторвать, но все равно упереть. Это не менталитет такой, это инстинкт на уровне муравья. Тащи в муравейник все, что можешь утащить – когда-нибудь это тебе может пригодиться.

Впрочем – частенько это приводит к совершенно противоположному результату. Власть дремлет, дремлет... а потом кааак... наедет! И поедет грустный селянин далеко-далеко от родных мест. В вагончике с зарешеченными окнами. Но это так... издержки бытия. Кто об этом думает, когда тащит? Менты-то по определению дураки! Разве они догадуются, кто же это постарался и упер? Да и живем одним днем – главное, чтобы на выпивку хватило! А там и трава не расти!

Да, насчет травы – может прямо сейчас и заняться? А что – три часа дня, солнце светит, птички поют, чего бы и не поработать? Ветерок охлаждает, солнышко греет – лепота!

Сказано – сделано. Достал триммер, собрал – здоровенная штука, надо сказать. В собранном виде едва в салон помещается. Залил в бачок бензина, шприцом добавил красного масла – один в пятидесяти – подкачал, чтобы бензин заполнил прозрачную кнопку подкачки, и... рывок шнура! С первого толчка завелся! Ррррр! Слава китаяское машиностроение! Умеют делать вещи! Некоторые вещи.

Хотя китайцы ли – эти самые, с Тайваня? Вот материко-

вые – те да, махровые китайцы. И делают всякую хрень. А тайваньские другое дело. У них вещи качественные. Но может это мне просто кажется.

За два часа я скошил траву перед домом, обкосил сарай, или лучше назвать его амбар – строение, в которое можно спокойно загнать камаз с прицепом, обкосил часть деревьев и почистил тот угол, где торчит сруб колодца. Мало сделал? Так только кажется! Приходилось – то оттаскивать всякие палки, почему-то перевитые проволокой (только искры летели, того и гляди диск запорю), то сгребать в кучу срубленную траву (старые деревянные грабли нашел в амбаре), то есть – делать надо все тщательно, хорошо, или не делать совсем.

Кто-то назовет меня педантом – пусть я педант, но после меня остается что-то вроде английского газона и радует глаз. И пусть так оно все и будет. Я приведу этот чертов дом в порядок! Запустили хозяйство, колдуны хреновы! Или кто там они? Экстрасенсы? Чуму на их дома...

Не сказать бы, что так уж сильно устал – триммер во время работы висит на плечах, на сбруе, но все-таки слегка утомился. Опять же – впечатления переполняют. Так что я пошел к уазу, содрал с заднего сиденья покрывало, которое постелил туда чтобы прикрыть потертую обшивку, разложил возле колодца и с удовольствием растянулся возле колодезного сруба на пригорке, глядя в голубое небо и наслаждаясь ощущением грубой ткани, гудящих здоровых мышц, запахом цветущих яблонь и вишни, что притулилась за углом

дома, похожая на розовое облачко из цветов. А может это и не вишня, а черешня? Не знаю... думать лень. Плывут в небе облака, солнце склонилось к горизонту, но еще греет, чувствую его лучи. Два часа на солнце – сгорю, наверное. Ну и плевать... мне хорошо и сонно.

Повернул голову, взгляд уперся в сруб колодца. И чего меня к нему так тянет? Сам не пойму. А вот тянет, и все тут! Хочется заглянуть туда, покричать, услышав эхо: «Э-ге-гей! Аууу...»

Вот было бы дело, когда б из колодца выглянуло черное нечто и завопило: «И уходите отсюда! Это МОЙ КОЛОДЕЦ!» Мультик такой был, советских времен. Правильно говорит Маша – советские мультики самые лучшие, самые добрые...

В бок что-то уперлось, что-то жесткое – торчит из земли под покрывалом. Я запустил руку под ткань и нащупал что-то твердое. Что-то, сидящее в земле – типа кусок древесины. Но не дерево – по ощущениям, что-то вроде свертка. Плотно сидит! Надо за лопатой сходить.

Сходил. Кстати, лопату с собой привезл – с железной ручкой лопата, на все случаи жизни – и покопать, и от врага отмахаться. Если уж инструмент, так только хороший.

Обкопал предмет, аккуратно поддел лопатой. Сердце даже слегка ворохнулось – а может клад? Дом-то старый! Почему не быть кладу?! Разбогатею!

Нет, ну так-то я не особо с претензиями – яхты с футболь-

ное поле, личные самолеты – это не мое, но от хорошей машины и красивого дома я бы не отказался. Почему бы и нет? Много чего хорошего накупил бы, имей я приличные деньги.

Что понимаю под приличными деньгами? Честно сказать – и сам не знаю. Миллион долларов? Пять? Десять? Для меня это такие же абстрактные цифры, как к примеру «световой год». То есть расстояние, которое свет пролетает за один год. Недостижимые и непостижимые цифры.

Это был сверток, и похоже что из старой, заостеневшей от времени кожи. А может и не кожи, а чего-то иного, только мне на то плевать. Главное, что внутри.

Сходил за ножом. Острый у меня нож, хорошего металла – купил у одного «Самоделкина». Мужик ножи кует – не хуже, чем дамасская сталь. Узор видно – специфический такой узор, как изморозь. Красиво! И чертовски остро.

Покрытие свертка даже этому ножу поддавалось с трудом, но все-таки поддавалось. Ощущение было таким, что сверток пропитали чем-то вроде смолы, окостеневшей от времени. Честно сказать, меня даже потряхивало от возбуждения – клад! Ну кто не мечтает о кладе, какой мальчишка?! А в каждом взрослом нормальном мужике до самой смерти сидит пацан, мечтающий о приключениях и сокровищах!

Наконец, верхний слой свертка поддался, открыв... открыв еще один слой. Это была бумага – навощенная, толстая, желтоватая. Я сдернул скорлупу кожного слоя, уцепился за краешек бумаги и стал разворачивать то, что находилось в

свертке.оборот, другой, третий, четвертый, и...

Это была фигурка. Простая деревянная фигурка, вырезанная с тщанием, с множеством мелких подробностей. Бородатый крепенький старичок, который смотрел на меня темными зрачками глаз. Не знаю, как резчик добился такого эффекта, но ощущение было таким, будто этот старичок буквально впился в меня взглядом и не отпускает, заворачивает, пронизывает этим самым взглядом. Сам не знаю почему – но мне вдруг стало не по себе. Будто напугался.

Еще как раз как следует оглядел фигурку, и вдруг заметил тонкий-претонкий шов, линию, опоясывавшую фигурку на уровне пупка. «Матрешка»? Внутри еще фигурки?

Взялся обеими руками, попробовал разъять статуэтку по шву... точно, верхняя часть фигурки начинает выползать из нижней. Подумалось – а может не матрешка, может там что-то хранится – типа бриллианты для пролетариата? Хе хе... ага, с куриное яйцо! «Куллинан», мать его за ногу! В деревне Кучкино! Фантазер хренов...

Чпок! Статуэтка разъединилась, и в лицо мне поднялось облако зеленой пыли! Да такой пыли, что я громко трижды подряд чихнул, так, что аж слезы полились! И кроме этой чертовой пыли больше в статуэтке ничего, абсолютно ничегошеньки не было. Облом-с!

Я снова соединил статуэтку, взял ее обеими руками и посмотрев в глаза, сказал сказочному старичку-боровичку:

– И что теперь? Обманул, мерзавец? Где сокровища, где

обещанный клад? Врунишка ты, а не колдун! Врунишка!

Темные, очень темные глаза. Они притягивают, они заглядывают в душу... хочется раствориться, хочется успокоиться в этих глазах...

Сон... мне так хочется спать! Спать... спать... спать...

Я прижал статуэтку к груди, откинулся на покрывало и меня тут же накрыла чернота глубокого сна. Или не сна?

Глава 2

Проснулся в темноте, от холода. Трясло так, что клацали зубы и ходуном ходили руки. Самое отвратительное, что с минуту, как минимум, не мог понять – где все-таки я нахожусь. Звездное небо, запах цветов и холодный ветер, пронизывающий до костей. Что за чертовщина?! И голый торс. Я по пояс голый!

Память вернулась сразу, как поленом по голове – я лежу у колодца в саду, в руке у меня статуэтка, которую я откопал в земле, и... все. Больше ничего не помню. Лег, утомленный, уснул, и вот – проснулся. Охренеть. Ну просто охренеть! Это как надо было задряхнуть, чтобы проснуться только... когда? Да черт его знает – когда, сколько сейчас времени. Я и телефон-то дома оставил.

Вообще-то – полный идиотизм вот так лечь и уснуть в совершенно новом месте, там, где почти никого не знаешь, зато все теперь знают что в доме живет «мент поганый» и «волк позорный». Вот так втихую глотку перережут, и потом ищи-свищи, какой соловей-разбойник это сделал!

С кряхтением и матами я поднялся с покрывала все еще клацая зубами, и побрел к дому, так и продолжая держать в руке деревянную статуэтку. И как следовало ожидать (неприятности никогда не приходят по-одному!) – наступил на грабли, которыми днем сгребал скошенную траву.

Вот это был удар! Звезды из глаз! Нет не звезды – просто падение тунгусского метеорита! Хорошо – нос не сломал. А еще лучше – что ноги обуты, не босиком, а то бы точно пропорол ногу старой, потемневшей от времени и грязи деревяшкой зубца. Вот тогда бы все было гораздо, гораздо хуже! Только заражения крови и не хватало для полного комплекта.

От неожиданности после удара граблями я судорожно сжал статуэтку, и, она... вдруг развалилась! Нет, не развалилась – она жахнула так, будто я сжал не твердое дерево, а гриб-дождевик, достигший зрелости и высохший до состояния пороха!

Бах!

И все тут. Я просто прифигел. Деревяшка была прочной и твердой, как кость! Или как металл! Я же ее открывал, будь она гнилушкой – точно бы почувствовал.

Стало ужасно досадно. Статуэтка мне понравилась, и явно была старой, сделанной очень давно. Притом – искусно, настоящим мастером. Волосы на голове, кустистые брови, глаза – все было вырезано так умело, с такими подробностями, что эдакое далеко не каждый художник сможет сделать.

Еще раз выругался и побежал наверх, одеваться. Впрочем – какое там, одеваться? Ночь на дворе! Спать надо! Накрыться теплым одеялом, и спать! Благо что кровать в доме была – старая, железная, с никелированными шишечками и такая высокая, что даже мне придется на нее забираться с некото-

рой опаской. Вот так спросонок свалишься, да и сломаешь себе чего-нибудь выступающее. Нос, например. И зачем было делать такие высокие кровати?

Стоит отметить, сетка у этой древней кровати была еще ого-го! Хоть скачи на ней! Как сказал персонаж одного старого фильма про сицилийскую мафию, взорвав мафиози гранатой, принесенной мужем еще с первой мировой войны: «Умели делать вещи в четырнадцатом году!»

Матрас у меня был с собой, одеяло (между прочим, пуховое!) я купил перед отъездом в Кучкино, белье тоже привез, так что быстро застелил постель и мелко стуча зубами, выключил верхний свет (обычная лампочка-«сороковка» на кривом черном проводе под потолком) и запрыгнул в кровать.

Ох, хорошо! Через пару минут уже согрелся, стук зубов сменился довольным сопением, и я потихоньку начал засыпать, наслаждаясь теплом и уютом. Как мало человеку надо для счастья! Теплая кровать, крыша над головой, здоровое тело – вот и счастлив. Еще бы красивую Машу под бок – горячую, упругую... Кровать широкая, двуспальная – запросто поместится. Тем более что мы с ней не такие мы уж и толстые. (Уже и – «мы»!) С этой мыслью я и уснул.

Ночью с меня потащили одеяло. Кто-то бормотал, сопел, и дергал мое пуховое одеяло за две тыщи из супермаркета, пытаюсь раздеть меня, разнежившегося.

– Пошел отсюда! Пошел! – сквозь сон завопил я, и вдруг

весь сон слетел с меня, как и не бывало – какой, к черту, пошел?! Кто пошел?! Кто здесь?!

– Кто здесь?! Стоять! Стрелять буду!

Я соскочил с кровати, прыгнул к выключателю, включил свет. Стрелять мне, конечно, было нечем, вернее – не из чего. Если только из пальца. Пистолет лежал в опорном пункте, в сейфе. Положил, когда занимался домашними работами. Ну не будешь же работать во дворе, обвязавшись портупеей? Или наплечной кобурой скрытого ношения. Глупо же, правда.

И вот – нарвался! Кто-то влез в дом! Тут – только кулаки! Вот мой бокс и пригодится, как знал, когда в училище занимался!

Осмотрелся по сторонам... никого! Пусто! Никаких супостатов, набрасывающихся на меня с заточками и мачете! Никаких бывших сидельцев, мечтающих покарать проклятого мента!

Обошел комнаты, даже под кровать заглянул. Никого! И между прочим – дверь заперта на засов. Видимо когда домой забегал – автоматически закрыл. И окно закрыто. Даже форточка, и та закрыта! Хотя кто пролезет через форточку размером едва ли не с кулак?

Выключил свет, лег в постель. Привиделось. Сны снятся, кошмары – вот и привиделось. Бывает.

Минут двадцать заставлял себя уснуть (за окном-то еще темно!), наконец опять забылся тревожным сном. Время от

времени просыпался, смотрел вокруг – благо что занавески на окна не успел повесить, и в комнате достаточно светло от звезд и луны, снова засыпал. И так длилось не знаю сколько времени – полчаса? Час? Но только через пяток «выныриваний» я снова уснул крепким, уже настоящим сном.

Чтобы полететь с кровати, сдернутый могучим рывком – таким, как если бы ко мне подошел здоровенный мужик не меньше меня ростом и сверзил с кровати, намереваясь занять мое место.

И грохнулся я «хорошо»! Ну прямо-таки круто грохнулся! Башкой не ударился, но бок отбил – это просто что-то! Высота, оно и понятно.

Вскочил, подбежал к выключателю. Тусклая лампочка осветила комнату, как прожектор ПВО. Ну негде здесь спрятаться, негде! Совсем негде! Ну не в стену же он уходит!

А то, что был ОН – я уже не сомневался. Был! Я почувствовал его холодные руки на своих щиколотках, когда он дергал меня с кровати. Мне кажется – я ощутил даже запах этого гада – кислый какой-то запах, исходящий будто от старого мокрого забора после дождя.

– Эй! Хватит шутки шутить! Выходи, гад! – крикнул я, чувствуя себя совершеннейшим дураком – Выходи! Драться хочешь?! Будем драться!

Молчание. Ни скрипа, ни шагов, ни звука дыхания. Никого. Совсем никого! Ах ты ж чертов барабашка!

Стоп! Вот оно! Вот о чем мне и говорили! Полтергейст?!

Нет, не может быть. Этого просто не может быть! Какие, к чертям, барабашки?!

Должно быть какое-то объяснение происходящему. Простое, разумное, без всякой мистики – объяснение. Например – кто-то прячется в стенах дома и нарочно выживает участкового из деревни. Кто-то из тех, кто не любит ментов и вообще власть. У кого рыльце в пушку и он боится, что его закроют!

Ладно. Пусть так – допустим, есть какие-то тайные ходы в стенах этого дома, из них выскакивает злодей и начинает меня мучить. Не дает мне спать. Доводит до сумасшествия. Но разве он не понимает, что это не выход? Власть-то никуда не денется, не будет одного мента – пришлют другого! И вообще – дом поменяют. Будет жить в другом доме, а этот дом сожгут к чертовой матери! Кстати, вот и нужно сообщить этому козлу о таком простом и незамысловатом способе искоренить безобразие. И пусть тогда выходит из убежища, когда стены запылают!

– Послушай меня, придурок! – начал я громко, нарочито командирским голосом – Я не знаю, где ты прячешься, и зачем ты мне не даешь спать. Но сейчас расскажу, что дальше будет, если ты продолжишь мне пакостить. Я сложу мои вещи в машину, отгоню ее в сторону, а потом просто подпалю дом со всех сторон. И плевать мне на опорный пункт! Другой построят, если нужно! Скажу, что проводка коротнула, пока я спал – еле успел выскочить. Дом сухой, деревянный

– сгорит дотла, ты и выбежать не успеешь. Сгоришь в нем. Так что подумай, прежде чем пакостить мне в очередной раз. Лучше бы порядок в доме навел! Пыль протер, полы вымыл и все такое!

Мне показалось, или я на самом деле услышал – звук был похож на то, как если бы некто испустил газы. Пукнул, проще говоря. Но скорее всего – это была просто слуховая галлюцинация на фоне ожиданий чего-то такого... странного.

Подождал еще минуты три, внимательно прислушиваясь к происходящему и выключив свет снова улегся в постель. Честно сказать, спать теперь я не собирался. Обязательно поймаю гада! Я не я, если не разберусь с подонком! Тогда и попрошаю, как он умудряется прятаться в этих стенах!

И уснул. Спал спокойно, хотя и казалось, что сквозь сон слышу чьи-то голоса. Будто кто-то бормочет – два или три человека. Но меня никто не беспокоил, никто не сдирал с меня одеяло, и рассвет застал меня посапывающим в две дырочки.

Проспал я до восьми часов утра. А куда особо спешить? Прием в опорном с десяти часов – до двенадцати. Потом пойду на участок, раздавать визитки. Тут ведь какое дело – прежде всего нужно обойти и объехать подконтрольные мне деревни, раздать визитки с телефоном и моим именем-фамилией. Ну якобы для того, чтобы граждане могли использовать свое конституционное право на защиту их здоровья, жизни и собственности. А на самом деле ради того, чтобы на-

чаљство не могло сказаць, што участковы не работав, і не вызвала яго на внеочерядной начальстваенны коітус в особливо извращенных формах. Народ должен знать своего участкового, потому такие вот обходы совершенно необходимы, если ты не хочешь вечно быть в униженных и оскорбленных. И чтобы тебе не лепили выговора – с занесением или без занесения. Так-то вроде и наплевать, но очередное звание совсем мне не мешает. Это ведь прибавка к жалованию, а у нас еще не коммунизм и бесплатно продукты не дают даже участковым. Ну... почти не дают.

Утро начал с того, что слил из летнего душа ржавую, настоящую на металле «зимнюю» воду, опустил в скважину заранее купленную электрическую помпу с присоединенным к ней пластиковым шлангом, шланг протянул к баку на крыше душа и воткнул штекер шнура помпы в удлинитель, сделанный много из длинного (20 метров!) толстого провода. Я все-таки связист. А значит еще и электрик. Мне такие штучки – не то что раз плюнуть, а на уровне детской азбуки. Знал, куда еду, подготовился как следует.

Помпа заработала, вода под напором побежала в бак. Кстати – залез по лестнице на душ, попробовал на вкус воду, текущую в бак. Сладкая вода, хорошая!

Кстати – чем бурить скважину, лучше бы колодец вычистили. Впрочем, может и не лучше. Может с ним больше возни, чем пробурить скважину и обсадить ее металлическими трубами. Мне по большому счету все равно – вода есть, да

и ладно. И не очень глубоко стоит, уровень где-то метров семь-восемь от поверхности – я по длине троса на котором теперь висит помпа определил.

Позавтракал яичницей, чаю себе соорудил – зеленого, и даже с лимоном. Ну, все, теперь жить можно! Перед тем как пойти в опорный, еще раз внимательно осмотрел все комнаты. Нет, никаких следов тайных дверей. Совсем никаких!

Запер дом на замок, отпер опорный пункт и первым делом проверил – на месте ли табельное оружие. «Макаров» с запасной обоймой был на месте, и я честно сказать – облегченно вздохнул. После таких ночных событий, когда в запертый дом может проникнуть какой-то там ниндзя – пропажа оружия была бы совсем не чем-то из ряда вон выходящим. Если у них (у него?) есть способ проникнуть в запертый дом, почему бы не быть способа проникнуть и в запертый опорный пункт? И в самое его сердце – сейф с оружием и документацией!

Могли ведь сделать копию ключа? Мало ли с кем бывший участковый имел здесь дело. Вдруг свел знакомство с подозрительными личностями, например с какой-нибудь круглопопой девахой, эдакой кучковской Мата-Хари? И она сняла слепок с ключей, чтобы здешний кузнец сделал ей дубликаты!

При слове «круглопопая» мне сразу привиделась нервная Маша. И кстати – ее неравность почему-то не вызывала никакого напряжения, скорее наоборот – нервная, значит и в по-

стели горячая! Эхх... у меня женщины не было... уж и не помню сколько времени! Сплошной гребаный целибат!

Но начинать свою жизнь в Кучкино следовало точно не с поисков объекта своих сексуальных вожделений. И об этом мне тут же напомнил мой телефон, благополучно запертый в сейф рядом с пистолетом еще вчерашним днем. Почему запер? Да черт его знает! Чисто автоматически! Хотя и не положено – я всегда должен быть на связи, днем и ночью, в будние дни и в выходные. Кстати – телефонный номер служебный и оплачивается ОМВД. Проводного-то телефона здесь нет! А что за полиция без телефона?

Номер был незнакомым, и я с некоторым трепетом нажал кнопку приема. Вот оно! Началось!

Да, началось. Это я понял по первым же словам звонившего, вернее – звонившей:

– Это участковый? Скорее! Тут Колька Капустин буянит! Нажрался, обещает Настьку свою порешить! Жену то есть!

– Адрес какой? – спросил я, приготовив авторучку.

– Какой адрес? Третий дом от администрации! Скорее, он там стекла бьет!

– Выезжаю! – сказал я, и нажал кнопку отбоя.

Перепоясался ремнем с кобурой (мало ли что случится?), сунул дубинку-«демократизатор» в предназначенное для нее гнездо, рядом повесил наручники (куда ж без них?), натянул на голову фуражку-кепи, запер сейф (там нет ничего такого-ценного, но не оставлять же открытым?), и неспешно

покинул опорный пункт. Поспешешь – коллег насмешишь. Вряд ли Колька до моего прибытия порешит свою благоверную Настьку, а вполне вероятно, что успокоится и мирно уснет. А тогда можно будет и порешать – что с ним делать.

Полгода стажировки со старым, опытным участковым дали мне очень, очень много дельной информации. Научил он меня, как правильно вести дела. И первое, чему научил – «не лезь на рожон!» Все нужно делать неспешно, без дерганий и переживаний. Ситуация сама рассосется, если не слишком торопиться и педалировать. Ну вот, к примеру: некий Колька Капустин. Бьет стекла, Настьку тиранит. Приезжаю я, беру Кольку в оборот. Колька получает по мордасам (а иначе как его взять?!), и в железных браслетах отправляется в комнату для задержанных опорного пункта (есть тут такая у меня, в опорном). Я составляю протокол задержания, и...

А вот ничего дальше! Никакого «И»! Заявления-то у меня нет! И Настька никогда и ни за что его не напишет! Ибо сажать своего благоверного – на это решится только совершенно доведенная до отчаяния баба. И то вряд ли – скорее она его убьет и спрячет в погребе. Потому что если его посадить – он ведь вернется. А если вернется...

Увы, к моему приходу ситуация не разрешилась. За разбитыми окнами отделанного желтым (как в Грозном) сайдингом домишки слышался пьяный басовитый рев мужика, в котором членораздельными были только матерные слова, как раз и касающиеся этого самого члена. И вообще – вся

речь реципиента, которая доносилась из дома, крутилась вокруг первичных, вторичных и третичных половых признаков мужчин и женщин, а особенно – вокруг существа женского пола именуемого (согласно стиля докладчика) «Настька-сука».

– А в чем таком она провинилась? – спросил я у женщин, собравшись напротив дома у обочины дороги – Чего он вообще так возбудился? И кто меня вызывал?

– Я вызывала! – объявилась одна из женщин, в котором без труда узнал одну из тех, кого вчера встретил на дороге возле магазина – вы же визиточку-то дали! Вот я и позвонила! Не дай бог Настьку покалечит, совсем Колька с катушек съехал! Она водку вылила, говорит – хватит, задолбал уже своей пьянкой. Он уже третий день с кумом машину обмывает – купили «ниву», не новую, подержанную, но хорошую. Кума Настя взащей выгнала, а у Кольки водку вылила. Вот он и припоминает ей все обиды. Мол, смотрела не так, не на того смотрела, и вообще – из армии не дождалась, бабой ее взял. А она типа еще и кобенится. Вот! А где та армия-то? Пятнадцать лет назад та армия! И все поминает, дурак! Ну совсем дурак сделался!

Я оглянулся по сторонам – толпа была небольшой, ведь день-деньской, работают все. Стояли пятеро баб – начиная от маленькой старушонки, похожей на травницу бабу Нюру, заканчивая молоденькой девчонкой лет четырнадцати, и четверо пацанят. Трое просто любопытные, четвертый парниш-

ка лет тринадцати – заплаканный, и с фингалом под глазом. Заметив мой взгляд, та же самая шустрая бабенка пояснила:

– Витюшке вон глаз подбил, он мамку защищал. Говорит – небось не мой сын, нажила, пока он в армии был. Да какой там не его?! Через год родился, как Колька из армии-то пришел! Дурак пьяный, чего наговорил-то! И как не стыдно?!

Ну так-то конечно не факт, что сын Колькин, даже если Настька его родила через год после Колькиного возвращения из Краснознаменной, но говорить об этом я не стал. Логика логикой, но умничать особо незачем. Не поймут соли шутки, не оценят.

Ну что же – стой, не стой, а надо что-то делать! Вон уже как странно на меня поглядывают «зрители». Мне, как настоящему киношному менту положено сейчас с лихой и прикурковатой улыбкой вбежать в дом и выйти оттуда с поверженным Колькой. Или проломить стену дома элитной иномаркой – и опять же, выйти оттуда с закованным в наручники дебоширом. Так все настоящие менты делают, пуленепробиваемые, владеющие всеми видами единоборств и не боящиеся ничего – кроме своей вечно всем недовольной жены, требующей развода. Ибо мента никогда нет дома.

(Да, люблю я ментовские сериалы! Вначале просто любил, теперь смотрю – «на-поржать», Ибо такую дичь несут сценаристы – душа поет и радуется! Дебилы, одно слово)

Вздыхнув, я направился к палисаднику, где болталась на одной петле открытая всем ветрам крашеная зеленой крас-

кой калитка.

Вообще, домики здешние мне нравятся. Они все обустроены в эдаком старорусском стиле – чистенькие заборы, узорчатые наличники, расписные ставенки. Больших домов, таких как у меня – мало. Больше одноэтажных, обычных. Эдакая образцово-показательная деревенька, никак не похожая на сфотографированные либеральными журналистами умирающие деревни – серые, грязные, убогие. Глубинка глубинкой, но люди здесь явно не так уж и бедствуют. Откровенной нищеты не наблюдается.

Подойдя к раскрытой двери, дождался перерыва в бурной речи реципиента и накачав в голос побольше командного металла громко завопил:

– Прекратите безобразие! Гражданин Капустин, выйдите из дома!

– Это кто еще там вякает?! – голос явно оживился в предвкушении нового развлечения. Последние минуты монолога Колька материл свою жену без энтузиазма, как-то вяло и с хрипотцой. Видать устал, сердешный. Утомительное это дело – дурных жен воспитывать.

– Я щас тебе башку-то разобью, козел!

Колька Капустин явно питался не одной капустой. Он ниже меня, но в полтора раз шире. И в плечах, и в талии. И весит раза в два больше. Я так-то не маленький парень, но и не совсем уж тощий – есть мускулы, и плечи широкие, но этот тип был каким-то монстром! Корявые кисти рук с вьев-

шимся в них отработанным маслом были покрыты чем-то похожим на запекшуюся кровь, и я с тоской подумал о том, что возможно – к Настьке подкрался большой полярный лис, и лежит она теперь в виде остывающей свежей отбивной. И что разговаривал Колька с внимательно слушающим его трупом любимой, но якобы неверной жены. И это значит, что сюда понаедут люди из района – опер, криминалист, следак и все, кому это положено. А на участкового, допустившего беспредел и убийство, наложат – и выговор, и еще много чего неудобобахнувшего. Ибо «допустил», проглядел, и не пресек. Все, как всегда. Одно радует – дальше фронта не пошлют, ниже сельского участкового не опустят. Ниже некуда.

– Стоять! Полиция! – выкрикнул я волшебные слова, надеясь, что заливший глаза кабан прислушается и заботится. Но «кабан» не забоялся и попер вперед, занося свою окорокообразную руку с кулаком-дыней. Я подался назад, наступил на незаметно подлезшую сзади собачонку, завизжавшую так, будто на нее напали волки, споткнулся о валявшуюся на траве старую зеленую эмалированную кастрюлю, и грохнувшись по весь рост под визгливый хохот собравшихся на дороге ценителей жизненных спектаклей. И такая меня ярость взяла, так меня это все разозлило, что я не выдержал и выпалил в сторону набегающего на меня супостата:

– Да чтоб тебя паралич разбил, кабан ты безмозглый!

Колька вздрогнул, остановился, будто ему врезали обухом по голове, и замер так, повода налившимися кровью глаза-

ми. Потом попытался что-то сказать, но перекошенный рот не выдал ничего, кроме струйки слюны – липкой, как секрет паука из которого получается паутина. Струйка помоталась в воздухе, и порыв ветра прилепил ее к сиреневой майке разрушителя порядка, где она и застыла, серебристо поблескивая на солнце.

Колька стоял секунды три, покачиваясь на ступнях, обу-тых в тапки разного размера и расцветки – одна голубая, женская, другая черная, мужская – а потом грохнулся на землю со стуком, как если бы кто-то шваркнул оземь мешок картошки ветра на четыре.

– Гля, Кольку-то кондратий хватил! – охнула женщина в толпе – теперь скорую надо вызывать! Подохнет ведь, идиот! Допился! Намучается теперь с ним Настька!

Я хотел было сказать, что возможно никакой Настьки уж и в живых-то нет, но этот персонаж внезапно появился в дверях, спокойная, как боец в окопе на отдыхе после атаки.

На вид Насте было лет тридцать пять-сорок, но судя по всему – поменьше. Деревенская жизнь старит – и труд тяжелый, и муж совсем не сахар. Пожалуй, и состаришься прежде времени, при такой-то «сладкой жизни». И деваться некуда – кому она теперь нужна, в ее-то возрасте, да и с «довеском», шупающим сейчас фингал. И это притом, что женщина была вполне себе симпатичной и даже сохранившей фигуру. Порванный на груди халат приоткрывал полную грудь третьего размера, и все у нее было пропорционально – и крепкий зад

на нужной высоте, и ноги, которые она как ни странно брила и похоже что берегла. Про таких говорят: «С остатками былой красоты». В молодости была красавицей, точно. Лет в восемнадцать – «Смерть мужикам!»

Женщина посмотрела на мужа, валяющегося на земле, посмотрела на меня, обалдело созерцавшего поле битвы сидя на заднице, и негромко охнув, спросила негромким, мелодичным голосом:

– Вы его – что, застрелили?! О господи... Коля!

Она недоверчиво помотала головой, наклонилась к мужу, приложила ухо к груди, послушала сердце.

– Живой! А что такое с ним? – спросила Настя, оглядывая подошедших ближе зрителей.

– Да он хотел участкового отоварить – пояснила моя словоохотливая знакомица – А потом застыл, да и свалился! Похоже, что кондратий его шарахнул. Ну это... инсульт, называется! Надо скорую вызывать! Помрет ведь!

Следующие десять минут прошли под знаком красного креста. Пока дозвонились до скорой помощи, пока объяснили куда ехать – вот десять минут и прошло. На мой вопрос: сколько придется ждать машину? – вразумительного ответа не получил. Двадцать километров по убийственному грейдеру – это вам не по объездной вокруг Твери покататься на кабриолете. Час, не меньше.

Так оно и вышло. Скорая – выдавший виды уазик-буханка с подгнившими порогами – появилась через час с неболь-

шим. Все это время я сидел дома у Капустиных и на всякий случай опрашивал хозяйку дома на предмет происшедших событий. Объяснение отбирал. И как выяснилось – совершенно напрасно, потому что опрошенная не только категорически отказалась подписывать это самое объяснение (Мной прочитано и подписано собственноручно), но и о заявлении выразилась коротко и ясно: «Да вы что?! Какое заявление?!». Чего я с некоторой тоской и ожидал.

Бесполезная, бессмысленная работа. А еще и с этим чертовым боровом возись! Кто будет грузить эту тушу на носилки? Бабы, что ли? Небось водила скорой какой-нибудь задохлик, а вторым номером у него (или первым?) молодая худенькая фельдшерица, которая если и подымает что-то легко и приятно – так это только бокал шампанского. Или еще чего-нибудь... не такое уж и большое, но ценное-мужское. Бумажник, например.

И опять же я не ошибся. Водила был хоть и не хлюпиком, но помогать категорически отказался – «сердце больное и поясница шалит, согнешься, так и хрен разогнешься!» Предпенсионный возраст.

Фельдшерица – замученная худенькая женщина, которая смотрит на тушу Коли Капустина с тоской и толикой ненависти – «нажруцца, а мы тут их таскай!».

Первично она определила, что у Коляна на самом деле инсульт, по всем таким вот признакам – допился, несчастный. То есть кровоизлияние в мозг. И если его быстро не вывезти

в больницу и не накачать лекарствами – тут ему и трындец придет. И даже если накачать – тоже не шибко восторг будет, 50 на 50, или даже меньше – что выживет. Водка – она к хорошему не приводит!

На носилки я перекладывал Колю совместными усилиями с его женой и фельдшерицей. Сын еще Колин помогал. А зрители куда-то сразу испарились, как только дело дошло до погрузочных работ. Бы-быстро так... дела нашлись.

Потом мы подняли носилки и закатали их в салон автомобиля. Благо что носилки специальные, удобные, складывающиеся – иначе ни за что бы эту тушу не загрузили.

Настя быстро собралась в дорогу, влезла в машину, прихватив документы – паспорт, полис, и вот уже потрепанный жизнью узик громокая гнилым железом покатил по дороге, отвозя Колю к его, вероятно последнему при жизни пристанищу – районной больнице, большинство корпусов которой были построены из бревен еще в тридцатые годы. Бывал я там по службе, видал. И доверия эта больница у меня не вызывала.

Ну вот так и закончился мой первый день работы на новом месте службы. Достаточно бездарно и смешно. Ну как же – «участковый на задницу уселся! Колька только на него пошел, так тот чуть в штаны не наложил!» Так и вижу довольные рожи своих новых односельчан.

Впрочем – мне на это глубоко плевать. Хулигана сама судьба наказала, карма это, как назвали бы ситуацию завсе-

гдатаи Ютуба. Хотя на душе у меня было гадко. Будто я в этом виноват. Поцапались бы в семье, отругался Коля, да и лег бы спать. Тем более что фонтан красноречия у него был явно на издыхании. А тут – я! Новый объект, новая мишень! И возбудил как следует несчастного. А того от перегрузки кондратий хватил.

Мораль: не торопись! Чуть попозже бы приехал – и ничего бы не случилось! Дрых бы Коля сном праведника, а завтра вышел на работу в гараж.

Но да ладно. Я что, кающийся праведник? Какое мне дело до запойного алкаша, гоняющего семью – что с ним случилось, и каково его здоровье? Дела надо делать!

И я пошел делать дела.

В этот день я обошел всю деревню и в каждый дом занес свою визитку. Где-то хозяева были, где-то оказалось заперто – там я сунул визитку или в почтовый ящик (если был), или на подоконник, туда, где не достанет дождь и не обгадят куры.

Ничего во время обхода не случилось – что может случиться в сонной и скучной деревушке посреди майского дня?

Уже когда собрался возвращаться к машине (я ошибку допустил, надо было идти вначале по четной стороне и вернуться по нечетной, а я перебежал через дорогу от дома к дому), заметил дом, стоящий на отшибе – небольшая изба, над трубой которой клубился дымок. Самогон варят? – первая мысль. И стало смешно – статья-то о запрете на самого-

новарение давно уже отменена, а у меня вдруг включается рефлекс участкового – самогон варят! Протокол составлять!

Откуда у начинающего участкового такой рефлекс? Да наслушался старых волков, моих коллег, которые в битвах против зеленого змия все зубы сточили и когти обломали. Рассказывали, как изымали, как воевали с заводчиками браги и шинкарями-самогонщиками.

Кстати – варить-то самогон можно, а вот продавать его... это статья! Даже две статьи. Или три? Незаконная торговля спиртным – раз. Незаконное предпринимательство – два. Неуплата налогов – три. Можно и еще накрутить при желании. Если уметь, конечно.

Дай-ка я зайду в гости... попугаю! Ну так... для профилактики. Да и посмотрю, кто это тут живет. Всех же нужно знать, кто в деревне обитает!

Первый, кто меня встретил в избушке – это кот. Нет, не черный, и не со светящимися глазами – кот, как кот. Рыжий. Он завопил так, что я шарахнулся назад, будто от полицейской сирены. От неожиданности, конечно. Опасности рыжая тварь не представляла, хотя котяра и был здоровенным, как тигр. Нет – ну преувеличиваю, конечно, но котяра здоровенный! Кстати, подумалось, а может кота завести? Котенка? Раз уж в деревне живу. Веселее будет. Одному честно говоря тоскливо...

– Кто там? – послышался старушечий голос из-за двери, показавшийся мне знакомым, я шагнул в коридор, дернул на

себя дверь и едва не врезался в старушку, стоявшую прямо перед порогом. Ах вот это кто! Баба Нюра!

— Простите, баба Нюра, я вас не напугал? — как можно более сердечно улыбнулся я — Вот, хожу, знакомлюсь с населением. Визиточку вам хочу оставить. Вдруг что случится — а я и приду на выручку. У вас все в порядке? Помощь не нужна?

Старуха внимательно посмотрела на мои ботинки, выше, выше... посмотрела в глаза, и... отшатнулась. Почти незаметно, но отшатнулась. Лицо ее стало строгим, брови сошлись вместе, глаза прищурились.

— Дом. Это все дом! Он все-таки тебя изменил. Ты принял силу! Теперь — дело только за тобой. Сумеешь удержаться, или не сумеешь. Если не сумеешь, падешь на темную сторону... берегись! Я сделаю все, чтобы тебя изничтожить! Мы все — сделаем все, чтобы тебя изничтожить. Если сумеем, конечно. А теперь уходи. И не приходи, пока я не разрешу. Вон!

Глаза старухи сделались огромными, яркими, как звезды, и внутри у меня заглодело, по коже пробежали мурашки как от ледяного ветра. Я попятился, споткнулся о порог, а ко всему прочему в штанину вдруг вцепился непонятно откуда выскочивший рыжий кот и с диким завыванием начал терзать, дергая, как злобный цепной пес.

Я вылетел из дома бабы Нюры придерживая на ходу слетающий полицейский кепи. Как не выронил папку с бумагой и визитками — сам не знаю. Давно я не испытывал такого стра-

ха. Иррационального, безумного, всепоглощающего страха.

К машине шагал на негнущихся ногах, не замечая, что делается вокруг. Ощущение, будто мне хорошенько врезали по башке поленом, я только-только очухался, и теперь бегу с места побоища унося ноги после разгрома. Вот только мозги после сотрясения до конца так и не заработал – только самые главные функции организма, да и те – не на полную катушку.

Открыл машину ключом – сигнализации в уазике нет. Машину я оставлял возле дома Капустиных – так она тут на обочине и стоит. Сунул ключ в замок зажигания, но прежде чем ехать – открыл боковые окна, вращая тугие допотопные ручки. Открыл – ветерок тут же бросился охлаждать вспотевшее лицо и мне сразу стало полегче.

Сбросил свой ментовский кепи, закрыл глаза, замер, отдыхая и отходя от перегрузки. Какой перегрузки? Да сам не знаю – какой именно. Меня будто вывернули наизнанку, выжали, встряхнули и снова собрали. Что она со мной сделала, эта чертова бабка – не знаю. Гипноз, наверное. Ну – типа цыганского гипноза, в который я верю на сто процентов.

Помню, какой был переполох на небольшом стихийном рынке у супермаркета в нашем райцентре. Незаконный рынок, но полиция смотрит на него сквозь пальцы – не Москва же, людям надо жить. Продают на копейки – но и то поддержка штанов. Так вот – как-то по этому рынку прошла женщина в черном и собрала деньги у всех торговцев. Собрала – и ушла. Они потом спокойно сидели еще минут пятнадцать

после грабежа – вроде так все и надо, отдать деньги незнакомой женщине и остаться сидеть как истуканы. А когда очнулись – началось! Завопили, забегали, даже с заявлением в отдел пришли. А что толку? Никто ее лица не помнит, этой гипнотизерки. Только то помнят, что она среднего роста и во всем темном. Ну и... все. Все сходились только на одном – цыганка, наверное. Да только цыган на белом свете тысячи и тысячи, всем предъявлять претензии, что ли?

Завел двигатель и потихоньку (куда торопиться?) поехал к своему дому.

Вода в баке летнего душа за день успела нагреться – не так чтобы очень, но почти теплая. Я даже домой заходить не стал – въехал во двор, заглушил движок, разделся, и прямо в трусах прошлепал к строению. Я еще вчера приготовил полотенце там, мыло, шампунь, мочалку – все, что нужно. Трусы только не повесил, но это уже дома надену, как-нибудь добегу и в полотенце. Благо, что никто не увидит. Деревня!

Вытерся, опоясался полотенцем, и захватив ремень с пистолетом (я его в душ брал, оставил на вешалке), отправился в дом. Отпер замок, поднялся по лестнице, вошел в комнату, и...

Что-то не то. Что-то изменилось! Что именно?! А вот что: порядок! В комнате – порядок! Кровать ровно застелена – и не так, как я ее стелю. Не так, как делал в военном училище. Значит – это не беспамятство, мол, застелил, да забыл. Честно сказать – я бросил ее как есть, вылез, и пошел делать

дела и работу работать.

Вещи стопочками разложены на скамье – тут скамья такая, крестьянская – длинная и широкая. Так вот на ней рубашки мои, штаны, носки – все стопочками, и все вроде как выглажено.

Метнулся на кухню – сковорода, в которой я сегодня жарил яичницу, и которую бросил залитую водой и фейри (чтобы отмокала!) – чистая, аж блестит! Ложки, вилки, кухонные ножи – разложены по ячейкам – не знаю как он называется, с собой привез пластиковый поддон с ячейками для ложек вилок. Так вот в нем все лежит так, как положено, а не так, как я навалил!

И ведро из-под помоев чистое. А я ведь оставил его наполовину налитым! Умывался, зубы чистил, брился. Заглянул в умывальник – он полон воды! И зеркало – зеркало отчищено так, как наверное оно не было чистым с самого момента его покупки в сельмаге!

Я обалдело посмотрел в зеркало, крепко зажмурил глаза, будто надеялся, что зеркало снова станет пыльным, забрызганным мылом и зубной пастой, но зеркало осталось совершенно, непостижимо чистым. И в нем отразилась моя физиономия, с которой смотрели два глаза. Чужих глаза! Один карий, почти черный, другой синий – ярко синий, как у проклятой бабки, которая меня сегодня напугала!

Мать-перемать! Только матерно и скажешь! Да что это за херь-то такая?! Что происходит?! Что со мной произошло?!

– Кто здесь?! Кто ты такой?! Где ты прячешься?! – мой голос был надтреснутым, сиплым, и одновременно дребезжащим. Я напуган. Искренне напуган – до самых печенок. За эти дни я был столько раз напуган, что скоро превращусь в ребенка, прячущегося под одеялом от ночных страхов.

Впрочем – почему это «превращусь»? Уже превратился! Кто ночью под одеялом прятался от «ниндзя»? Не старший лейтенант Каганов, а... хрен знает кто. Жалкий трусишка!

Молчание. Тишина. Солнечные лучи освещают комнату, и спрятаться в ней негде. Ну совсем негде! А мне страшно. Даже двинуться боюсь. И все время кажется, что за спиной кто-то стоит. Стоит – и смотрит мне в затылок. И при этом я знаю – обернусь, но никого там не увижу.

Взять себя в руки – мужик я, или баба?! Какого черта так трясусь?! Пошел к скамье, выбрал белье, оделся. Смешно, но когда снимал с чресел полотенце, невольно поежился от стыда, как если бы делал это посреди людной улицы. Кто-то за мной подглядывает? Ведь точно кто-то подглядывает!

Мдаа... если такое же пережил предыдущий жилец дома – понятно, чего у него крыша поехала. Запьешь тут, пожалуй! Хорошо, что я не любитель зеленого змия. Нет – я так-то могу употребить, и много, на меня алкоголь действует слабее, чем на большинство людей (с самой юности заметил – говорят, печень у меня очень хорошо расщепляет алкоголь), но пить я не люблю. Не испытываю от этого никакого удовольствия и не понимаю страстей по рюмке. В компании, если

нальют, если надо выпить – выпью. А если есть возможность отмазаться от выпивки – я лучше сока потреблю, или минералки.

Нетипичный военный, да. Может потому и не удержался в рядах «краснознаменной»? В армии таких непьющих не любят. Белая ворона, однако! Лучше бы я бухал, чем чужую жену трахал – так мне сказал мой командир. Не знаю, наверное он все-таки был прав. Но что поделаешь – у всех свои недостатки! Мне вот чужие жены нравятся, а кому-то нравится нажраться, обоссаться и валяться в канаве с пьяной заблеванной рожей! Выбирай, что больше по душе – каждому свое.

Настроение испортилось окончательно. Дурной какой-то день. То эта история с упавшим Капустиным (как бы еще не обвинили, что это я ему по башке врезал, вот его и парализовало), то с бабой Нюрой непонятки – чего она на меня так вызверилась?! Несет какой-то бред! Хоть бы объяснила, что к чему!

А то, что происходит в доме вообще не поддается никакому объяснению. Если некто проникает в мой дом тайными ходами – какого черта он не ворует, а моет мне полы и посуду, раскладывает и гладит мои трусы?! Ну только представить – забрался ко мне ниндзя, и тут же кинулся прибираться в доме! Бу-га-га! Смешно, ага... если бы не было слегка страшно. И даже не слегка...

Ладно. Надо бы поесть, тем более что время обеда давно

прошло, а у меня во рту маковой росинки не бывало. Война войной – обед по расписанию!

Готовить ничего особенного не хотелось, так что я достал из старого холодильника «Саратов» (остался от прежнего хозяина – вечный и неубиваемый, как пирамида Хеопса) пятачок яиц, масло, и сварганил себе яичницу-глазунью. Универсальное блюдо холостяка. Просто и питательно. Надоедает, конечно, но зато проскакивает в пищевод легко и без проблем. Надоело есть яичницу? Тогда не ешь, а питайся. Толкай ее в себя! Заправляй себя пищей, как автомобиль бензином.

Снова отправился во двор, достал триммер и принялся «добивать» заросший сад. Ну вот такой я упрямый, как осел! Задумал сделать сад английским парком – знать, так тому и быть!

Кстати – поискал то место, где в моей руке рассыпалась странная статуэтка. Ничего не нашел, даже порошка или трухи, которые должны были остаться от фигурки. Она будто в воздухе растворилась. Будто привиделась!

Но не привиделась. Ключки кожи, в которую была завернута статуэтка – вон они, валяются возле колодца. И бумага – ветром ее, как ни странно, не унесло. Хотя и ветра-то сильного не было, так... ночные дуновения.

Походил вокруг старого колодезного сруба – может еще что-то закопано? Если была эта фигурка – возможно и еще что-то прикопали?

Нет, не прикопали. Пусто. Земля, как земля. Дёрн, торчки скошенной травы, муравьи бегают и прочие букашки-та-ракашки. Идет нормальная деревенская жизнь. У всех идет, кроме меня – попавшего черт знает в какие обстоятельства. И самое гадкое – совершенно не понимающего, что происходит.

Ситуация настолько дурацкая, что на ум приходят всяческие конспирологические теории – типа, как некто поставил себе цель свести с ума несчастного участкового уполномоченного. Ну вот заговор такой образовался – вся деревня в курсе, и ждут, когда же я спячу и начну творить нечто непотребное. Ну как мой предшественник, решивший, что вороны за ним шпионят и начавший палить по ним из табельного оружия калибра девять миллиметров.

Никто меня до ночи не побеспокоил, никаких вызовов страждущих граждан – да если бы и захотел, за треском триммера все равно не слышать. Хорошая штука! Заглушает и телефон, и дурные мысли. Есть в косье что-то от дзена – машешь своей прибудой из стороны в сторону, трава ложится под визг диска триммера, а ты думаешь о своем, впадая в состояние сосредоточения. Эдакая самадхи с элементами технического прогресса. Просветляешься с помощью китайского девайса.

Докосив (опять пришлось таскать проволоку и палки), сгрел траву в кучу и оставил ее сушиться. Потом сожгу. Или выкопаю компостную яму, и туда траву покидаю. Если ее

жечь – она будет неделю дымиться и вонять, а до конца так и не сгорит. Это даже самые упертые тупые дачники знают. Но все равно жгут траву. Ибо это сродни ритуалу – приехал на дачу – воскури травой дачным богам! Иначе какой ты дачник?

Когда солнце закатилось за лес, я собрал весь инструмент, сложил его в хлеву, и пошел наверх, гадая, что же предстоит этой ночью. Дадут мне поспать, или я буду полночи бегать и разыскивать супостатов с пистолетом в руке.

Кстати – ствол взял с собой. На всякий пожарный случай. Стрелять ни в кого не собираюсь, но если... Что «если» – я не знал, но тяжесть пахнущего оружейным маслом орудия убийства придавала мне хоть малейшее, но успокоение. Иллюзорное, я понимаю, но успокоение.

Пужинал жареной картошкой. Я заранее купил на рынке десять килограммов, так что на первое время мне ее хватит. Кстати, надо посмотреть – погреб-то тут есть? Насколько понимаю – обязательно должен быть. Такой дом, да без погреба? Это было бы странно. Почему про погреб вспомнил? Да ассоциация такая: картошка – погреб. Картошку там в зиму хранить. На базар-то за ней не наездишься, да и дорогая она зимой.

Прежде чем лечь спать, занялся телевизором. Да, да – привез телевизор! Я не из тех высоколобых чудиков, которые в сети гордо пишут о том, что выкинули из дома телевизор и давным-давно его не смотрят. Смешные такие... все,

что они бы посмотрели по телевизору – есть в сети. И все-то они смотрят. Те же новости, те же киношки. Только позже других, тогда, когда им о киношках расскажут те, кто смотрит «ящик».

Утрирую, конечно. Но думаю примерно так: глупо прилюдно заявлять о том, что телевизор суть зло и с его экрана несется только фейковая информация и всякая чушь. Если у зрителя не хватает ума отличить фейки от чистой информации – это его, тугодума, проблемы. Я так спокойно разделяю зерна и плевела, и смотрю то, что мне интересно. И плевать, что думают на этот счет высоколобые.

Повесить-то я телевизор повесил – на стену, так, чтобы можно было смотреть с кровати. Но вот антенну спутниковой связи придется вешать уже завтра. Телевизор у меня хороший, ЛЕД (денег не пожалел), большой плоский экран, со смарт-системой телевизор, даже с интернетом. Хороший, в общем. Потому – можно на нем смотреть киношки, транслируя их с ноутбука. Ноутбук у меня тоже неплохой, больше полтинника за него отдал. Люблю хорошие девайсы, чего уж там. Потому и в связисты пошел – всегда испытывал тягу к чему-то такому... электронному.

Фильмов я накачал кучу, спать не хотелось (вернее ужасно не хотелось выключать лампочку... ведь все бесчинство творилось именно в темноте!) – в общем, включил я телевизор, нашел на ноуте прикольный сериальчик (решил «Хэппи» пересмотреть, смешная штука. Тем более что вышел второй се-

зон), поработал «волшебным пультом», и через пару минут на экране появились герои смешного сериала. Роутер для инета я еще вчера подключил, мощный, с двумя антеннами, настроил под телевизор еще на прежней квартире, в райцентре, так что перенастраивать не пришлось. Инет тут слабый, едва цепляет, но на скорость передачи сигнала от ноута к телевизору это никак не влияет. Вот фильм теперь точно не скачаю, и по сайтам особо не полазишь – страница открывается едва ли не по минуте, а локальная сеть пашет без всяких таких проблем.

Смотрел минут десять. Смотрел, смотрел... и уснул. И так мне сладко спалось под сериал – слов нет! Давно так хорошо не спал! Тепло, уютно... и никто одеяло не стаскивает.

Проснулся утром – на экране все еще летает маленький голубой единорог (воспроизведение по кругу – кончилась одна серия, началась другая, и так до первой, и все заново), а на кухне лежит чистая сковорода. Кстати сказать – непонятно, чем ее вообще вымыли. В помойном ведре – помоев ни капли кроме того, что налил я вчера, когда готовил. Все страннее и страннее... Как там Алиса говорила в стране чудес? «Все чудесатее и чудесатее! Все любопытственнее и любопытственнее! Все страньше и страньше!» Ага, именно так. Любопытственнее.

Но странности странностями, а работать-то нужно! Собрался, надев форму, опоясался ремнем с пистолетом, и закрыв дом уселся за руль уазика. Сегодня поеду по деревням.

Список у меня есть – сколько успею, столько и объеду. В навигатор телефона забью названия, и пошел-поехал. Прогресс, однако!

Так и сделал. До вечера я мотался по деревням, благо что от одной деревни до другой расстояние пять-шесть километров, не больше. Так что не составляет особого труда объехать с десятков деревень за день. Само собой, асфальтовых дорог туда нет, да и проселочные дороги не шибко проезжие (Ну а для чего узик-то вездеходный давали?), но земля уже подсохла после зимы, вполне можно ездить безо всяких проблем.

Жителей в этих деревнях раз, два и обчелся. Хорошо, если в домах пяти-шести живут постоянно. А вот летом совсем другое дело. Из райцентра, и даже из самой Твери приезжают толпы дачников – кто-то ездит раз в неделю, на прополку и полив, ну и на сбор урожая, кто-то живет тут все лето. Обычно – пенсионеры. Загружают на багажник своего старенького жигуленка рассаду, узлы с барахлом (на зиму-то все увозят, иначе местные скоммуниздят!), набивают багажник крупами-сахарами, и вперед, на житье до самой поздней осени.

Ну а чем не жизнь? Тишина, покой, птички поют! Электричество есть, так что при свечах нет смысла сидеть. Телевизора нет? Так сын (внук) приедет – настроит антенну, и понеслось житье-бытье – и любимые сериалы, и тебе грядки-малины. Лепота!

Да что из Твери – летом из самой Москвы едут. Двести

километров – тьфу одно для москвичей! Они в пробке по дороге на работу больше времени проводят, чем получится по времени проехать эти самые двести километров. В пятницу сюда – в воскресенье отсюда. Или в отпуск – на месяц. Озера есть, речки есть, грибы в июле пойдут, грузди и белые грибы с рыжиками – ну чем не отдых? По мне – так лучше, чем в какой-то там Турции. Ну что хорошего целый день жрать, бухать, да валяться у бассейна?

Так же – раздал визитки, тем, кого на месте застал (в основном старухи со стариками), а кого не застал – сунул визитку в почтовый ящик, либо в щелку двери. Найдут, ничего. И никто не скажет, что участкового здесь было. В общем – как опытный волк пометил границы своей территории.

Последней посетил деревеньку Орловку – она совсем на отшибе и записано, что живут там всего десять человек. И дорога указана лесная, то есть рассчитывать на то, что я туда проеду особо не приходилось. Почему? Да потому что если дорогу не поддерживать, она зарастет подлеском, а еще – на нее обязательно нападают старые деревья, выворотив свои подгнившие корни. Без бензопилы черта с два проедешь. А бензопилу я с собой как на грех в этот раз не взял.

Но нет – как ни странно, дорога хоть и слегка подзаросла травой-муравой посередине и по обочинам, но никаких завалов злостным буреломом не было. Дорога как дорога. Заехал прямо в центр деревни. Вот только минут десять не мог понять – где тут живые люди. На домах – замки, окна закры-

ты ставнями и забиты досками. А кое-какие дома просто разграблены мародерами, как и тот дом, возле которого я остановился – окна смотрят черными прогалами, щелястые двери висят на одной петле, тоскливо поскрипывая на умирающем в этой глуши ветерке. Тоска! В таких вот брошенных деревнях меня охватывает странное ощущение... такое, какое у меня было сегодня в моем доме. Или почти такое. Кажется, что кто-то на тебя смотрит – внимательно, бесстрастно, но ожидая какой-то моей ошибки. Например – ждет, что я повернусь спиной, и тогда...

Не знаю, что – «тогда», но ощущение самое что ни на есть гадкое. Будто среди призраков бродишь, но при этом их не видишь, а только чувствуешь. Прошел сквозь тебя призрак – вот тебе и холодок по коже.

Верю ли я в призраков? Нет, конечно. Разве какой-нибудь разумный человек может верить в эту чушь? Начитался всякой ерунды, вот и... Хе хе...

Живого человек я узрил сразу после того, как учуял запах дыма. Ветер сменил направление, вот дымком-то на меня и пахнуло. Повернулся, тут и увидел – на крыльце дома (вполне справногo дома!) стоит женщина. Лица разглядеть не могу, но то, что это именно женщина – точно. Платок, юбка ни же колен, жилет. Стоит и смотрит на меня. Таки-чувствую ее взгляд, как если бы меня осветили ярким фонарем.

Пошагал к ней – а что еще делать? Раз уж приехал. Подойдя, увидел – точно, смотрит на меня, внимательно так

смотрит. Глаза черные, как два уголька, лицо гладкое, почти без морщин. Но лет ей прилично – не сорок, это точно. Лет шестьдесят? Волосы полуседые. Впрочем – я сам-то уже седые волосы у себя находил. Генетика такая, рано сесть начинаю. Как впрочем и многие другие люди. Время такое, наверное. Молодые старички!

– Здравствуйте! Я ваш участковый, Каганов моя фамилия. Вот моя визитка с телефоном – будете знать, куда звонить, если что.

– Если что? – женщина слегка насмешливо посмотрела мне в глаза, улыбнулась – Что именно? Помощь понадобится?

– Ну да, помощь! – смешался я, не зная, как реагировать на откровенную насмешку – Позвоните, и я вам помогу!

– Поможешь заклятие снять? Или можешь призрак отправить туда, куда надо? Или может – можешь порчу навести?

– Что?! – я буквально вытаращил глаза – Вы вообще, о чем? Чего такое говорите? Я полицейский!

– Да хоть библиотекарь – снова ехидно усмехнулась женщина, и вдруг приложила к бровям ребро ладони, всматриваясь в мое лицо и будто бы укрываясь от яркого солнца при взгляде вдаль.

– Ооо! Силен! – восхитилась она – Но стихийник. Нет контроля. Совсем нет контроля!

Она посмотрела мне в глаза и криво усмехнулась:

– Да ты зеленый еще, не понимаешь. И ничего не видишь. Поймешь еще. Пока что ты не готов, чтобы принять истину. Потому – вали отсюда, и не отсвечивай. Как захочешь что-то узнать, захочешь понять, кто ты, и что ты – приезжай, поговорим.

– Да кто вы такая?! – вырвалось у меня из самой души.

– Ведьма я, кто же еще? – хихикнула женщина и повернувшись ко мне спиной шагнула в дом – Не готов ты еще. Уезжай. И будь осторожнее со словами. Слова имеют силу.

Дверь хлопнула, загремев железным кольцом, стукнул то ли засов, то ли еще какой-то запор, и я остался стоять в своем привычном уже состоянии – как оплеванный. Ничего не понимаю, ничего не знаю, «дурак-дураком, и шея дугой» – как говорила одна старушка.

Домой я ехал в состоянии человека, который был безжалостно вырван из привычного мира и брошен в параллельный – в тот мир, в существование которого он не верил категорически, и самое главное – верить не желал. «Отрицание» – вот как это можно назвать. Ты видишь некие события, но не желаешь принять их как объективную реальность.

Вот интересно, что бы по этому поводу сказали известные всему просвещенному миру философы? Что бы сказал бородатый Маркс, обнаружив, что в закрытом на все запоры доме, где он живет один-одинешенек кто-то таинственный вымыл за ним сковороду из-под жареной картошки? «Дон-нерветтер»?

Нет, тут нужен какой-то рациональный подход к анализу накопившейся информации. В конце концов – я ведь технарь, а не какой-то там...

Хмм... кстати, вот эта самая рациональная технарская составляющая моего мировоззрения и не позволяет мне анализировать события так, как это следовало бы делать. Мой мозг, насквозь пропитанный научными постулатами и физическими законами не желает принимать ирреальное как один из аспектов моего бытия. Я сейчас как французская академия наук, которая не желала верить в камни, падающие с неба. То бишь – в метеориты. А формулировка французских ученых была такова: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!». Элегантно, бесспорно. И все объясняет.

Итак, что я имею: во-первых. две странные бабки, которые якобы являются экстрасенсами – если их не назвать так, как положено «по-старинке»: ведьмы. Одна травница, другая не знаю кто, но очень похожа на первую ведунью, только со знаком «минус». Одна белая ведьма, другая черная.

Да, да – я понимаю, что звучит глупо, что это иррационально и ненаучно! Но если научный метод не работает, надо применять те методы, которые подходят к существующим реалиям! И нефиг морщить нос, Василий Каганов! Фэнтези всякие читал? Читал! Про ведьм и колдунов знаешь? Знаешь! Сказки вообще-то не на пустом месте образовывались! И те же фэнтези, это лишь развитие народных сказок, кото-

рые в свою очередь были отголосками того, что происходило в прошлом, в совсем, очень далеком прошлом! О котором мы собственно говоря ни черта и не знаем.

Да, я знаю про теорию Дарвина (да кто про нее не знает – только если совсем уж имбецил-гидроцефал), я знаю, что в человеческому роду несколько сотен тысяч лет – двести тысяч, если верить ученым. Двести тысяч лет назад по Земле побежали первые гомо сапиенсы.

Вот только можно ли верить ученым? Которые сегодня говорят одно, а завтра скажут совсем другое. И я точно знаю о некоторых неудобных находках археологов и палеонтологов, которые в научном сообществе стараются замолчать (неприлично говорить о всяких там болтах и гайках, найденных в пластах угля или известняках возрастом в сотни миллионов лет). Я совсем о другом.

Итак, если предположить, что до гомо сапиенса на Земле жили другие люди, или можно назвать их «существа», и эти существа владели некими ментальными (то есть магическими) способностями, которые недоступны гомо сапиенсу – тогда все становится на свои места. Динозавры вымерли – вымерли и сказочные расы колдунов.

Почему это случилось? Да как теперь узнаешь! У кого спросишь! Итак, протолюди владели магией, в большей или меньшей степени. Те, кто были великими волшебниками, правили теми, кто магией почти не обладал. Или совсем не обладал. И когда случилась вселенская катастрофа (да черт

ее знает, какая – ну метеорит упал на Землю, к примеру), на Земле остались жалкие остатки прежней цивилизации, практически забывшей о своих великих предках. И вот тогда эти «протолюди» смешались с гомо сапиенсами, не обладавшими магическими способностями даже в зачаточном состоянии. Ассимилировались, так сказать.

С развитием прогресса магические способности все больше и больше исчезали – во-первых потому, что люди утеряли способы развития этих самых способностей.

Во-вторых потому, что кровь «разжижалась» из-за браков с теми, кто вообще не обладал никакими такими способностями.

В-третьих потому, что люди по каким-то причинам вдруг стали воспринимать колдунов и ведьм как нечто опасное и вредоносное, служащее исключительно Злу.

История доносит до нас то, с какой безжалостностью искоренялись любые проявления магии – особенно в «просвещенной» Европе, провонявшей горелым мясом тысяч сожженных на кострах ведьм и колдунов.

На Руси все это происходило не так яростно – и костров было поменьше, и знахарки до сих пор в чести у простого народа, но гонения на ведьм и колдунов все-таки существовали всегда. Особенно усердствовала Церковь, видевшая в них конкурентов (Чудеса ведь творят! И без ведома Церкви!), а еще приложил руку к гонениям так называемое «научное сообщество», которое отрицало и отрицает любые факты про-

явления всего того, что похоже на магию и колдовство. Категорически отказываясь принимать факты, доказывающие существование необъяснимых чудес.

По какой-то причине человечество решило вытравить из своих рядов всех, в ком течет хоть капля крови протолюдей, всех, кто обладает способностью к магии. Возможно потому, что в генах гомо сапиенса буквально запрограммировалось – «бояться протолюдей и ненавидеть их».

Почему? Да кто знает – почему. Может потому, что протолюди и создали гомо сапиенса, сделали человека разумного своим рабом? Рабом богов? Как там говорится в христианстве? «Раб божий». И вот если впасть в ересь и предположить, что бог был одним из протолюдей – не является ли формулировка «Раб божий» подтверждением постулата о том, что люди являлись рабами протолюдей, именуемых ими «богами»? Это уж потом гомо сапиенс пришел к единобожию, воплотил в одном боге всех богов-протолюдей, ведь удобнее молиться одному богу, а не приносить дары и жертвы сонму из сотен, а то и тысяч богов! Чистая прагматичность, и ничего более!

И все это – скорее всего бред. Бред на уровне: «Прилетели инопланетяне с магическими способностями, их называли богами». Чем хуже гипотеза?

А еще хороша гипотеза о прорыве существ из параллельного мира. Ну вот вдруг образовалось некое «окно» в другой мир, в котором все обладают магическими способностями, и

на нашу Землю с Земли-икс мигрировали и магические существа, и так называемые боги!

Куда потом они делись? «Окно» заросло, исчезло, а те, кто остался на нашей Земле – ассимилировались с аборигенами, или попросту исчезли. Были выбиты землянами, которые не любят и боятся любых проявлений магии (смотрим выше о кострах инквизиции). Вот и остались только те, кто спрятался и не афиширует свои способности.

Ну... почти не афиширует. Например – та же бабка-травница не называет себя ведьмой, не говорит, что колдует, а просто потчует травками, собранными где-то там в лесу. Фактически занимается гомеопатией. Гомеопатов ведь не сжигают на кострах? Не сжигают. Хотя на мой взгляд, может бы и стоило. Но это я так, злопыхаю. Хочется людям верить в плацебо, помогает оно им – так и пусть себе помогает. Я лично – лучше вместо гомеопатической пилюльки выпью нормальный антибиотик. Я в него больше верю, потому он мне больше и помогает. Тоже своеобразное плацебо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.